

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

ПОСЛѢ смерти нашей матери, умершей во время холеры въ Москвѣ, въ 1830 году, меня, моего старшаго брата Александра, и сестру Надежду принялъ къ себѣ на воспитаніе мой крестный отецъ, извѣстный въ то время стряпчій, надворный совѣтникъ Владиміръ Матвѣевичъ Глазовъ.

Глазовъ происходилъ изъ выслужившихся дворянъ, но за нимъ числилось, какъ говорили, въ Костромской губерніи имѣніе съ 1,000 душъ крестьянъ. Родовое или благопріобрѣтенное — не знаю.

Онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, въ Грузинахъ, гдѣ у него было много земли, лавки, бани и тотъ знаменитый «Глазовскій» трактиръ, куда москвичи и ихъ залетные гости ѣздили слушать знаменитыхъ грузинскихъ цыганъ.

Домъ его походилъ на большинство барскихъ домовъ того времени. Это было довольно большое, одноэтажное, съ мезониномъ зданіе. Балконъ съ красивымъ портикомъ выходилъ въ обширный садъ, со всѣми прихотями, какъ-то: бесѣдками, горками, статуями разныхъ мифологическихъ боговъ и героевъ, аллеями, цвѣтниками и неизбѣжнымъ прудомъ съ мостикомъ и лодками. Вокругъ огромнаго двора ютились флигеля для гостей, людскія, кухни, конюшни, сарай, погреба и другія службы. На дворѣ царилъ вѣчный шумъ и гамъ. Лакеи, прачки, повара, садовники, кучера, сновали взадъ и впередъ, перебранивались и кричали. Лошади, множество раз-

ныхъ собакъ и домашняя птица дополняли шумную картину быденной, скопированной съ большихъ барскихъ домовъ, жизни.

Владиміръ Матвѣевичъ жилъ въ домѣ съ женою Ульяною Ивановной, дамою почтенной и богобоязненной. Дѣтей у нихъ въ живыхъ не было, кромѣ одной дочери, Екатерины Владиміровны, находившейся въ замужествѣ за Ѳедоромъ Осиповичемъ Мазуровымъ, директоромъ московской сохранной казны. Но за то ихъ постоянно окружали воспитанники, воспитанницы, ихъ учителя, многочисленная дворня обоего пола и разныя приживалки.

Домъ имѣлъ всѣ удобства того времени. Тутъ были и громадная зала съ хорами, и комфортабельная гостинная съ балкономъ и террасою въ садъ, и уютныя внутреннія комнаты хозяйки дома, и большая свѣтлая столовая, и буфетныя, дѣвичьи и другія комнаты. Въ мезонинѣ располагался самъ владѣлецъ, устроившій тамъ себѣ рабочій кабинетъ, пріемную и спальню. Кромѣ того, въ одной комнатѣ при немъ жилъ воспитанникъ, Гавріиль Ивановичъ Глазовъ, побочный сынъ его отъ дворовой женщины, тогда медицинскій студентъ, а впослѣдствіи уѣздный врачъ. Меблировка дома исполнѣ отвѣчала широкой натурѣ его обладателя. Кладовыя и погреба ломились подъ тяжестью всякихъ сбереженій и заготовленій. Повсюду видѣнъ былъ избытокъ средствъ. Каждая мелочь напоминала о довольствѣ, прихоти и тщеславіи.

Самъ Владиміръ Матвѣевичъ не обладалъ представительною наружностью. Это былъ мужчина лѣтъ 45—50, средняго роста, съ круглымъ животомъ и большою на короткой шеѣ головою, остриженной гладко. Черты лица крупныя, щеки мясистыя, глаза смѣющіеся, веселые, лицо гладко выбритое. Служилъ ли онъ, и гдѣ — я не знаю, но ходилъ всегда въ вицъ-мундирѣ съ свѣтлыми пуговицами. Каждый день утромъ куда-то уѣзжалъ и возвращался домой къ обѣду, за которымъ было всегда нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ обѣда отдыхалъ или работалъ въ кабинетѣ, а вечеръ проводилъ съ гостями, засиживаясь иногда далеко за-полночь. Изобильный ужинъ заканчивалъ еще болѣе изобильный разными случайностями день.

Ульяна Ивановна — симпатичная, небольшого роста старушка, слыла большою домоуѣдкой. Болѣе всего она любила высшія сферы, хотя тамъ и не была принята. Ей доставляло большое удовольствіе видѣть у себя людей, принадлежащихъ, или соприкасающихся этимъ сферамъ. Пріемы ея были торжественны и чинны: тишина и скука царили въ нихъ. Друзей и короткихъ знакомыхъ принимала она запросто въ своей уборной, сидя въ покойномъ вольтеровскомъ креслѣ; туда же подавали и чай. Для знакомыхъ же мужа и такъ называемыхъ церемонныхъ гостей она удостоивала выходить въ гостинную, но сидѣла не долго, извинялась нездоровьемъ и уходила, предоставляя занимать гостей или мужу, или

своей дочери Екатеринѣ Владиміровнѣ Мазуровой. Въ числѣ гостей у Глазовыхъ, я помню, появлялись: Кологривовы, Небольсины, кн. Грузинскіе, Багговутъ, Мерлины, изрѣдка наѣзжалъ кн. П. П. Гагаринъ, С. Т. Аксаковъ и другіе московскіе именитые люди. Иногда собиралась молодежь, и тогда пѣли и танцовали подъ фортепіано, а старики играли въ карты. Особые балы давались 15-го іюля, въ день именинъ Владиміра Матвѣевича, и въ декабрѣ, въ день рожденія его супруги. Тогда приглашались и родня и знакомые. Играла полковая музыка, пѣли пѣсенники, дѣлалась иллюминація, вино лилось рѣдкой, веселились на распаху, какъ только могутъ веселиться москвичи.

Значеніе Владиміра Матвѣевича въ московскомъ обществѣ обусловливалось его превосходными личными качествами и знаніемъ дѣла. Онъ принадлежалъ къ числу тогдашнихъ знаменитыхъ дѣльцовъ-законовѣдовъ. Ему поручались дѣла, выиграть которыя не было никакой надежды, и онъ выносилъ ихъ на своихъ плечахъ. Разскажу одинъ случай.

Въ Москвѣ проживалъ одинъ извѣстнѣйшій кутила и безобразникъ, купчина-милліонеръ Александръ Петровичъ Квасниковъ. Онъ проматывалъ по нѣскольку тысячъ въ одинъ вечеръ, производилъ дебоши и безобразія, за которые платилъ десятки тысячъ. Долго ему сходили съ рукъ всевозможныя выходки на стогнахъ города и гульбищахъ; наконецъ, пробилъ часъ расплаты. На какомъ-то поминальномъ обѣдѣ онъ снялъ съ архимандрита или архіерея, не помню, клобукъ и надѣлъ ему на голову выдолбленный арбузъ. Вышелъ скандалъ ужасный, погасить который ему не удалось. Дѣло дошло до Петербурга, и по резолюціи императора Николая, его отдали въ солдаты.

Строгій приговоръ переполошилъ всѣхъ его сочувственниковъ, бросились хлопотать о смягченіи наказанія, но едва-едва удалось исходатайствовать небольшое облегченіе. По свидѣтельству докторовъ, его признали неспособнымъ къ строевой службѣ и зачислили въ московскую пожарную команду. Въ этой командѣ онъ только числился, но службы никакой не исполнялъ, лечась отъ болѣзни на квартирѣ. Спустя нѣсколько времени, московское начальство попыталось было просить о помилованіи Квасникова, но представленія его не уважили. Вотъ тогда-то и обратились къ Владиміру Матвѣевичу, который за его дѣло и взялся.

Во избѣжаніе какихъ-либо новыхъ проказъ съ его стороны, во время веденія дѣла, Глазовъ поселилъ Квасникова въ одномъ изъ своихъ флигелей, подъ условіемъ гулять у него гдѣ хочетъ, но за ворота не выходить.

Какъ теперь вижу эту высокую, немного сутуловатую фигуру добровольнаго заключенника съ его художавой выразительной физиономіей. Глаза въ глубокихъ впадинахъ, брови насулены, носъ

большой, длинный, съ горбомъ, голова острижена подъ гребенку, усы большіе, бакенбарды висячіе, подбородокъ тщательно выбритъ. Онъ носилъ какой-то полувойенный плащъ, венгерку, шаровары въ сапоги и фантастическую фуражку. Вся его фигура напоминала типъ отставнаго гусара. Опираясь на тяжелый костыль, съ опущенною на грудь головою, часто прогуливался онъ по глазовскому саду, напѣвая себѣ подъ носъ какую нибудь пѣсенку и сильно ударяя костылемъ въ землю. Встрѣчь съ незнакомыми избѣгалъ, на глазовскихъ вечерахъ не показывался, но порой въ его небольшой квартиркѣ появлялись старые друзья, хлопали пробки, брячала гитара и до утра гикали и топали цыгане.

Владиміръ Матвѣевичъ два или три раза ѣздилъ по его дѣлу въ Петербургъ, и всякій разъ возвращался безъ успѣха. Но это былъ не такой человѣкъ, чтобы спасовать передъ неудачею. Спустя нѣкоторое время, онъ вновь поѣхалъ — и привезъ Квасникову прощеніе.

Прощеніе это, какъ объяснялъ Владиміръ Матвѣевичъ, получено имъ при исключительныхъ обстоятельствахъ. Онъ нашелъ доступъ къ графу А. Х. Бенкендорфу и послѣ долгихъ, подкрѣпленныхъ самыми вѣскими аргументами доводовъ, успѣлъ склонить его къ заступленію за несчастнаго Квасникова, представленнаго имъ жертвой злой интриги. Графъ далъ обѣщаніе ходатайствовать предъ государемъ, но съ оговоркой, что для этого нужно выждать благоприятный случай. Пришлось ждать, но, къ счастью, не долго. Говѣя на страстной недѣлѣ, императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе передъ исповѣдью просить прощенія у своихъ приближенныхъ. Графъ Александръ Христофоровичъ воспользовался этимъ случаемъ, и, когда государь обратился къ нему, осмѣлился напомнить о прощеніи наказаннаго не по винѣ Квасникова. Государь милостиво выслушалъ и повелѣлъ: возвратить Квасникова въ первобытное состояніе, но съ тѣмъ, что если онъ и засимъ будетъ вести себя по прежнему, то поступить съ нимъ безо всякаго снисхожденія.

Нужно ли говорить съ какимъ авторитетомъ возвратился въ Москву Владиміръ Матвѣевичъ. Начались пиры. Квасниковъ задалъ такой обѣдъ своему освободителю, что Москва удивилась. Но это дѣло было послѣднимъ въ длинномъ спискѣ удачъ Владиміра Матвѣевича. Во время кутежа у Квасникова, онъ простудился, заболѣлъ, мѣсяца два или три пролежалъ въ постели и умеръ.

Но я забѣжалъ далеко впередъ. Нужно возвратиться ко времени нашего водворенія у Глазова. Владиміръ Матвѣевичъ былъ другомъ нашего отца и душеприкащикомъ матери. Дѣйствуя на правахъ опекуна, онъ перевезъ насъ (меня, брата и сестру) къ себѣ и поселилъ въ особомъ флигелѣ, имѣвшемъ четыре комнаты и кухню, и отдалъ подъ попечительство одной доброй старушки

дворянки Агафьи Ивановны, въ помощь которой назначены были двѣ дворовыя женщины. Мнѣ шолъ тогда 6-й, брату, 8-й, сестрѣ 4-й годъ. Владиміръ Матвѣевичъ любилъ насъ, какъ своихъ дѣтей, озаботился устройствомъ для насъ всего нужнаго и нерѣдко заходилъ навѣдаться: не нужно-ли намъ еще чего нибудь? О чемъ бы ни просила его наша заботливая воспитательница Агафья Ивановна, все старался исполнить, по возможности, безъ замедленія. Въ воскресенье и праздничные дни мы ходили въ церковь къ обѣднѣ, а послѣ отправлялись въ домъ Владиміра Матвѣевича, гдѣ и оставались цѣлый день, а иногда и вечеръ, рѣзвились и играли съ пріѣзжавшими дѣтьми. Въ 9 часовъ вечера возвращались домой.

Въ началѣ 1831 года, Владиміръ Матвѣевичъ прислалъ намъ учителя. Это былъ діаконъ изъ причта церкви св. Георгія въ Грузинахъ, человекъ немолодой, но старательный. Онъ объявилъ намъ, что мы должны пройти полный курсъ обученія, и не смотря на то, что мы, т. е. братъ и я, умѣли уже читать, онъ засадилъ насъ, на равнѣ съ сестрою, за азбуку, и только пройдя съ нами сію стадію, почтеннѣйшій нашъ педагогъ сталъ упитывать насъ всяческими премудростями отъ грамматики, арифметики и катехизиса. Онъ занимался съ нами каждодневно (кромѣ дней праздничныхъ) съ 10 до 1 час. утра, а Агафья Ивановна приготовляла съ нами вечерніе уроки. Мы учились охотно и дѣлали порядочные успѣхи, такъ что въ началѣ 1832 года, сдали блистательно первый экзаменъ Владиміру Матвѣевичу, и за оказанное прилежаніе получили отъ него подарки. Онъ подарилъ мнѣ вышитую золотомъ куртку, штаны съ галунными лампасами и сапожки охотничьи съ кисточками, брату бархатный полукафтанъ съ короткими панталонами и башмаки съ пряжками, а сестрѣ — тирольскій костюмъ. Кромѣ того каждому изъ насъ онъ далъ по 25 р. ассигнаціями на го-
стинцы.

Это были мои первые деньги. Но я ими не воспользовался. Я отдалъ ихъ на сохраненіе добрѣйшей Агафьѣ Ивановнѣ, которая, потомъ, не выдавала мнѣ изъ нихъ ни копѣйки, говоря: «береги денежку на черный день». Когда же, годъ спустя, она умерла, мнѣ не возвратили моихъ денегъ.

Въ продолженіе всего 1832 года, въ домѣ Владиміра Матвѣевича царило особенное оживленіе. Гости, преимущественно же молодежь, съѣзжались часто. Много пѣли, много танцовали. Катинька Львова была прекрасная музыкантша и чрезвычайно мило пѣла. Ея высокій, чистый, звучный сопрано приводилъ въ восторгъ все наше маленькое общество. Особенно хорошо она исполняла «Красный сарафанъ» и Пушкинскую «Черную шаль». О Пушкинѣ тогда говорили много. Однажды, кто-то сообщилъ, что знаменитый поэтъ пріѣзжаетъ иногда въ Грузины слушать цыганъ и добавилъ: «цыгане — его стихія».

Разсказъ о поѣздкахъ Пушкина въ Грузины возбудилъ всеобщее любопытство. Молодой Дороховъ замѣтилъ, что интересно было бы видѣть Пушкина въ обществѣ цыганъ. Все это возбудило во мнѣ желаніе взглянуть на Пушкина. Агафья Ивановна часто не домогала. Пользуясь этимъ, мы убѣгали играть на дворъ и выходили иногда за ворота. Братъ мой заходилъ часто къ Гавріилу Ивановичу Глазову и у него читалъ нѣкоторые изъ Пушкинскихъ стихотвореній. Онъ восхищался ими и называлъ Пушкина гениемъ. Я сообщилъ брату мое желаніе хотя мелькомъ взглянуть на Пушкина, когда онъ пріѣдетъ въ Глазовскій трактиръ слушать цыганъ. Онъ ухватился за эту мысль съ радостью и сказалъ, что все устроить. Дѣйствительно, дня два спустя, онъ забѣжалъ въ трактиръ и общалъ трактирнымъ половымъ дать денегъ, если они сообщатъ ему, когда пріѣдетъ Пушкинъ. Долго ждали мы и, наконецъ, забыли было совсѣмъ объ этомъ, какъ вдругъ, въ концѣ лѣта, или въ началѣ осени — не помню хорошо, прибѣгаетъ къ намъ на кухню дѣвочка, дочь буфетчика, и передаетъ брату записочку съ двумя словами: «онъ здѣсь». Мы всполошились. Агафья Ивановна лежала въ своей комнатѣ больная, мы допивали вечерній чай. Повернувъ вверхъ донышкомъ чашки, мы бросились въ спальню и легли въ постель. Часъ или два мы провели въ какомъ-то лихорадочномъ напряженіи, пока всѣ въ домѣ утомились. Часовъ въ 11-ть мы встали, тихонько одѣлись, вышли на цыпочкахъ изъ комнаты и не слышно ускользнули изъ дому.

Озираясь на всѣ стороны, мы пробѣжали по двору и вышли за ворота. Пріѣздъ гостей къ цыганамъ произвелъ вокругъ трактира оживленіе. У подѣзда толпились извозчики, кучера, троечные ямщики, лакеи. Они вели шумные разговоры, курили свои носогрѣйки, переругивались между собою или ругали хозяевъ и господъ.

Противъ оконъ, на площадкѣ, стояла небольшая кучка людей разнаго званія, жадно ловя каждый вырывающійся изнутри звукъ шумнаго цыганскаго пѣнія. Мы проскользнули въ эту кучку. Изъ оконъ трактира неслись припѣвы: «старый мужъ, грозный мужъ, рѣжь меня, жги меня, не боюсь я тебя!» раздавался раскатъ смѣха, хлопали пробки, и все покрывало неистовое гиканье и пляска.

Но вотъ кучка, поглазѣвъ, послушавъ, мало-по-малу стала таять и, наконецъ, разбрелась по домамъ. Остались только: я, братъ и два знакомыхъ сосѣднихъ мальчика, не захотѣвшихъ отстать отъ насъ, вѣроятно, во вниманіе къ тому, что мы числились на положеніи полубарчатъ-воспитанниковъ. Ночь, между тѣмъ, была уже поздняя, дулъ осенній свѣжій вѣтерокъ. Мѣсяцъ ярко свѣтилъ, обливая сребристыми лучами полусонную окрестность. Боясь упустить случай посмотрѣть на Пушкина вблизи, мы расположились у самой лѣстницы, съ которой онъ долженъ былъ сойти, чтобы

сѣсть въ экипажъ. Но прошолъ часъ, другой, и мы, перезябнувъ, хотѣли было идти уже домой, какъ вдругъ раздался съ лѣстницы громкій голосъ половаго: «эй, ямщикъ, экипажъ!» мы встрепенулись, и какъ-бы боясь чего-то, отошли отъ лѣстницы въ сторону. Пока полусонный ямщикъ взнуздывалъ тройку и усаживался на козлы, на лѣстницѣ показались два господина. Одинъ брюнетъ, невысокаго роста съ небольшими баками, въ шинели съ капишномъ и шляпой на головѣ; другой высокій съ усами, въ какой-то длиннополой бекешѣ, съ замотаннымъ на шеѣ шарфомъ и тоже въ шляпѣ. На верху, на площадкѣ, стояли еще два господина, окруженные цыганами и прислугой, и громко хохотали.

— Который же Пушкинъ, спросилъ я брата. Онъ отвѣчалъ: «не знаю». Между тѣмъ, вышедшій прежде другихъ господинъ въ шинели, видя, что экипажъ еще не поданъ, спустился съ крыльца и пошелъ въ глубь двора. У перилъ, окаймлявшихъ берегъ пруда, на которомъ стояли бани, онъ остановился и началъ смотрѣть на отражавшуюся въ водѣ луну, деревья и строенія. Другой же стоялъ на крыльцѣ и перебрасывался словами съ оставшимися на верхней площадкѣ товарищами.

Я толкнулъ брата и мы, (всѣ четыре мальчика), окружили господина, стоявшаго у пруда. Онъ оглянулся и спросилъ: «что вамъ нужно?»

— Вы — Пушкинъ? спросилъ я тихо.

— На что вамъ?

— Такъ... интересно его видѣть.

— А почему вамъ интересно его видѣть?

— Онъ пишетъ стихи.

— Какъ вы узнали, что онъ пишетъ стихи?

— Я — крестникъ Владиміръ Матвѣича... у насъ въ домѣ барышни поютъ «Черную шаль», интересно узнать: ваша ли эта шаль.

— А что у васъ еще поютъ? Что вы еще знаете?

— Я ничего не знаю, но вотъ братъ мой читалъ у Гавріила Ивановича много вашихъ стиховъ. (Я не сомнѣвался болѣе, что это — Пушкинъ).

— Такъ вы ничего больше не знаете, сказалъ онъ какъ будто въ раздумьѣ и, поглядя меня по головѣ, продолжалъ:

«Одну вы знаете лишь «шаль»,

Какая жадость...

Моя, мой милый, это шаль,

А проще шалость.

Слова эти меня такъ восхитили, что я схватилъ руку Пушкина и горячо поцаловалъ ее. Мальчишки загалдѣли: и я, и я! и бросились также цаловать его руку. Пушкинъ отнялъ руку назадъ и, добродушно улыбаясь, сказалъ: «къ чему это!»

Между тѣмъ лошади были поданы и онъ, направляясь къ экипажу, спросилъ меня: «А вы грамотный!»

— Учусь, отвѣчалъ я.

— Учитесь!.. будете знать болѣе, чѣмъ мои «шалости».

Затѣмъ, онъ сѣлъ въ коляску, товарищи за нимъ; цыгане, окружая экипажъ, просили скорѣе пріѣзжать опять къ нимъ; прислуга кланялась и желала счастливаго пути. Пушкинъ въ отвѣтъ кивалъ имъ головой, товарищи смѣясь отвѣчали: «да, да, хорошо, хорошо!» Но вотъ ящикъ тронулъ возжей коренника, лошади тронулись, коляска громыхнулась и покатила. Еще мгновеніе — и вѣчность легла на слѣдъ ея...

Въ первое слѣдовавшее за симъ воскресенье я разсказалъ m-lle Львовой и другимъ гостямъ Владиміра Матвѣевича о нашемъ ночномъ путешествіи и передалъ отъ слова до слова разговоръ мой съ гениальнымъ поэтомъ. Всѣ восторгались нашей смѣлостью, нашей находчивостью. Я сдѣлался героемъ вечера. Меня спрашивали по нѣсколько разъ, заставляли повторять каждое слово Александра Сергѣевича, кормили сластями и отпустили домой, нагрузивъ карманы гостинцами.

На утро меня и брата, по приказанію Владиміра Матвѣевича, сильно выпороли за то, что мы осмѣлились безъ спросу выходить ночью на улицу...

Въ началѣ февраля 1837 года, въ Москвѣ получено было извѣстіе о смерти Пушкина. Это извѣстіе взволновало студенческій мірокъ. Я жилъ тогда на Никитской, въ домѣ князя Вадбольскаго, у г-жи Линденбаумъ, которая содержала меблированныя комнаты, отдаваемые въ наймы, большей частію, студентамъ. Вечеромъ того дня, когда получено было печальное извѣстіе, студенты собрались въ залъ и поставили на обсужденіе вопросъ: что дѣлать? Дебаты произошли жаркіе. Имена Данзаса, д'Аршіяка, Дантеса, Геккерена не сходили съ устъ, крики благороднаго негодованія, проклятья и угрозы раздавались то и дѣло. Нѣкто Барановъ, сынъ полковника, степнякъ, натура горячая и необузданная, вызывался ѣхать въ Петербургъ и драться съ Дантесомъ, а если бы онъ отказался, отстегать его хлыстомъ. Его отговаривали. Другія предложенія тоже не прошли. Остановились на томъ, чтобы отслужить по Пушкинѣ панихиду. На утро сообщили товарищамъ, начались сборы, подписка пошла хорошо. Но университетское начальство подъ рукою не одобрило. Назначено было новое совѣщаніе и рѣшили отслужить панихиду не по Пушкинѣ, а по усопшемъ рабѣ божіемъ Александрѣ. День назначили праздничный — слѣдующее воскресенье; мѣсто — Никитскій монастырь. Пригласили пѣвчихъ, заказали полное освященіе церкви. Хлопотали было поставить пе-

чальный катафалкъ, но игуменья не разрѣшила. Недѣля пробѣжала быстро; наступилъ день панихиды. Началась обѣдня, народу собралось много. Студенты сходились и переговаривались; одни слушали обѣдню, другіе прохаживались по монастырскому двору. Показалась, наконецъ, и полиція, явился квартальный со своими будочниками, за нимъ прибылъ частный приставъ, позднѣе пожаловалъ и самъ полиціймейстеръ. Развязно вошелъ онъ во храмъ, еще развязнѣе подошелъ къ игуменьѣ и довольно долго бесѣдовалъ съ нею келейно.

Но вотъ обѣдня кончилась, полиціймейстеръ незамѣтно уѣхалъ. Народъ сталъ выходить изъ церкви. Потушили свѣчи. Потянулись монахини, но панихида не начиналась.

Прошло еще нѣсколько времени, всѣ студенты собрались въ церкви, небольшая группа публики, оставшаяся отслушать панихиду, стоитъ и ждетъ, но панихида не начинается.

Два, три студента пошли въ алтарь за объясненіями къ священнику, собиравшемуся уже оставить церковь. Онъ отвѣтилъ, что панихиды не будетъ. Спрашиваютъ: «почему»? — А потому, говоритъ, что по живомъ человѣкѣ панихидъ не служатъ. «Какъ по живомъ!» изумляются студенты. — «Да такъ, отвѣчаетъ, Пушкинъ живъ... не вѣрите — спросите мать игуменью». Обращаются къ игуменьѣ, та отозвалась, что, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ ей сей-часъ полиціймейстеромъ, Пушкинъ, хотя и боленъ, но еще живъ. Бросаются къ приставу, — приставъ утверждаетъ, что подобное извѣстіе только что получено изъ Петербурга. Студенты, обрадованные такою доброю вѣстью, расходятся по домамъ.

Спустя часъ или два истина открылась; но собраться снова на панихиду студентамъ не позволили.

II.

Т. Н. Грановскаго я встрѣчалъ въ Москвѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, у А. Н. Назаровой, жившей на Тверской улицѣ, въ домѣ Жаркова. Она имѣла двухъ сыновей, студентовъ, Николая и Павла Ивановичей, жившихъ съ нею, и дочь, выдавшую замужъ за какого то тамбовскаго помѣщика. Я посѣщалъ Павла Ивановича разъ, а иногда и два въ недѣлю, чтобы набираться ума-разума. Онъ училъ меня русской словесности, давалъ читать книги и вообще руководилъ моими первыми шагами на поприщѣ жизни.

Первый разъ я видѣлъ Грановскаго въ небольшомъ кругу гостей Александры Никитишны, за вечернимъ чаемъ. Онъ уже тогда составилъ себѣ имя даровитаго ученаго; поэтому его встрѣчали съ особенной предупредительностію. Я зналъ его по наслышкѣ, говорили, что онъ умица, за словомъ въ карманъ не полѣзеть,

слѣдовательно, встрѣча съ нимъ представляла для меня двойной интересъ. Я вошелъ въ комнату несмѣло, конфузясь поклонился и сѣлъ въ уголокъ. Тимофей Николаевичъ сидѣлъ у стола, вблизи хозяйки, рядомъ съ которою помѣщались двѣ какія то молодыя дамы, почтенный старичокъ, съ титуломъ превосходительства, солидный чиновникъ губернскаго правленія и нѣсколько студентовъ. Грановскій показался мнѣ еще очень молодымъ, манеры его были мягки, рѣчь тихая, вкрадчивая. Онъ говорилъ въ этотъ вечеръ немного, но каждое его слово, каждая фраза выходили такими красивыми, такими увлекательными, что любо было слушать. Но изъ всего имъ тогда сказаннаго у меня теперь ничего не осталось въ памяти.

Второй разъ я его видѣлъ при утреннемъ визитѣ. Побесѣдовавъ съ хозяйкой дома, онъ зашелъ къ намъ, т. е. въ рабочую комнату Павла Ивановича, гдѣ я сидѣлъ за книгой. Перекинувшись нѣсколькими словами съ Павломъ Ивановичемъ о новостяхъ дня, о какихъ то новыхъ распоряженіяхъ по университету, о своихъ лекціяхъ, онъ лѣниво повернулся ко мнѣ, посмотрѣлъ внимательно и спросилъ: «что, каковъ»?

— Поѣдомъ ѣсть русскихъ беллетристовъ, отвѣчалъ Назаровъ.

— Вотъ какъ!.. А не можете ли прочитатъ намъ что нибудь? обратился онъ ко мнѣ.

Я сконфузился. Но, оправаясь, прочиталъ наизусть сцену убійства изъ «Аммалать-Бека». Когда я съ пафосомъ продекламировалъ слова: «на томъ мѣстѣ, гдѣ ты убилъ отца моего, тамъ я изъ тебя выточу кровь и развѣю прахъ твой по вѣтру», Грановскій сказалъ: «хорошо!.. Изъ него выйдетъ писатель, или актеръ».

Вышелъ солдатъ.

III.

Послѣ польской компаніи 1831 года, въ Москву наѣхало много офицеровъ раненыхъ, больныхъ и просто пріѣхавшихъ повеселиться. Большинство этихъ офицеровъ любило пожить за спиною начальства, какъ говорилось, во всю. Товарищескія пирушки, кутежи, картежная игра, волокитство и эксцентричныя выходки были главнѣйшими составными элементами ихъ вольной, ничѣмъ не стѣсняемой отпускной жизни. Въ особенности выдѣлялись тогда два молодыхъ офицера. Одинъ гвардейскій поручикъ, другой штабсъ-ротмистръ гусарь. Они были короткіе пріатели. Оба хорошихъ фамилій, оба храбры, оба красивы, оба богаты и оба хотѣли быть первыми въ тѣсномъ кружкѣ кутиль и игроковъ. Мало-по-малу между ними возникло соперничество, и они старались превзойти одинъ другаго въ удалствѣ. Если сегодня гвардеецъ устраивалъ завтракъ, то завтра гусарь давалъ пріятелямъ обѣдъ; если первый везетъ

вечеромъ товарищей за городъ на тройкахъ, то другой потомъ цѣлые три дня кутить съ друзьями у цыганъ, и въ концѣ концовъ разбиваетъ трактиръ. Если тотъ похищаетъ изъ театра танцовщицу, то этотъ, спустя нѣсколько времени, увозить у купца жену.

Симъ послѣднимъ эпизодомъ завершились ихъ доблестныя похождения. Но эпизодъ окончился трагически. Расскажу, какъ я слышалъ о немъ.

На одной изъ окраинъ Москвы, заселенной купечествомъ, жилъ одинъ богатый коммерсантъ, человѣкъ молодой, солидный и дѣльный, недавно женившійся на 18-ти лѣтней, чрезвычайно красивой дѣвушкѣ. Онъ жилъ по старинному. Утромъ уѣзжалъ на откормленномъ рысакѣ въ гостинный дворъ, гдѣ у него находились товарные склады, занимался весь день дѣлами и только вечеромъ возвращался домой. Домъ его, какъ большинство старинныхъ купеческихъ домовъ того времени, содержался постоянно подъ замкомъ. Если кому нужно было войти въ него, то онъ долженъ былъ нѣсколько разъ позвонить. Къ воротамъ выходили молодецъ или кухарка и, не отпирая калитки, спрашивали: «кто? кого надо? зачѣмъ?» Получивъ отвѣтъ, шли съ докладомъ и послѣ нѣкотораго времени возвращались и впускали, или же отказывали, говоря: «дома нѣтъ», или же «велѣно придти тогда то». Жена его изъ дому никуда не выѣзжала, кромѣ церкви или родныхъ, и то не иначе, какъ съ мужемъ, или со старухой свекровью, или же съ обоими вмѣстѣ.

Объ этой то запертой красавицѣ и шепнули гусару. Онъ пріѣхалъ какъ то въ церковь, посмотрѣлъ и заинтересовался. Началъ онъ изыскивать мѣры, чтобы познакомиться съ купцомъ, но купецъ отъ всякаго знакомства отказался. Хотѣлъ обратить на себя вниманіе купчихи, пробраться какъ нибудь въ домъ, но не удалось: строгости въ домѣ увеличили, старуха свекровь не отходила отъ невестки ни на шагъ и берегла ее какъ зѣницу ока. Но встрѣчаемая гусаромъ препятствія только сильнѣе подстрѣкали его самолюбіе, и онъ поставилъ себѣ цѣлью во чтобы-то ни стало завладѣть купчихой. Долго ему ничего не удавалось, но вдругъ выпалъ счастливый случай. Наканунѣ какого то большаго праздника, купчиха, въ сопровожденіи свекрови и старухи няньки, отправилась пѣшкомъ въ приходскую церковь ко всенощной. Гусара давно уже не было видно въ ихъ мирной окраинѣ, онъ пересталъ туда ѣздить. По окончаніи службы, когда купчиха съ своими провожатыми возвращалась домой, вдругъ изъ за угла сосѣдняго переулка выскочило нѣсколько молодцовъ, они растолкали старухъ, схватили купчиху подъ руки, посадили ее въ подлетѣвшія изъ за угла запряженные лихою тройкою сани и увезли. Улица огласилась крикомъ о помощи, сбѣжался народъ, но тройки давно уже и слѣдъ про-

стылъ. Купецъ бросился къ властямъ, поднялъ на ноги полицію, начались розыски, но купчихи не отыскали.

Черезъ три дня та же лихая тройка доставила купчиху домой. Стали спрашивать: «гдѣ была?» Купчиха отвѣчала: «за городомъ, но гдѣ именно—не знаю». «Съ кѣмъ?»—«Съ гусаромъ». Собрали всѣхъ гусаровъ. Виновный заявилъ, что это сдѣлалъ онъ, и что же? Князь Д. В. Голицынъ, бывшій въ то время московскимъ генераль-губернаторомъ, самъ въ молодости не мало напавившій, хотѣлъ потушить дѣло и сталъ склонять купца на мировую. Трудно было тогда идти противу властей, въ особенности противу власти московскаго главнокомандующаго. Купецъ думалъ, думалъ и подчинился. Въ одномъ изъ извѣстныхъ московскихъ ресторановъ устроилась мировая. Къ роскошному обѣду явился купецъ въ сопровожденіи своихъ сродниковъ и свойственниковъ; гусаръ съ товарищами. Соперниковъ свели, заставили подать другъ другу руки. За обѣдомъ поили тосты «за примиреніе», пили много, и еще болѣе шутили и смѣялись. Послѣ обѣда купецъ предложилъ гусару «сыгратъ въ карты», и мрачно прибавилъ: «авось я буду счастливѣе». Кто изъ офицеровъ отказывался отъ игры, гусары тѣмъ болѣе. Поставили столъ. Началась игра. Гусаръ металъ банкъ, купецъ понтировалъ. Счастье улыбалось по очереди то тому, то другому. Вдругъ купецъ, проигравъ одну довольно крупную ставку, хватаетъ гусара за руку, и съ крикомъ: «шуллеръ, передернулъ!» даетъ ему пощечину. Гусаръ выхватилъ саблю и хотѣлъ рубануть, но его удержали. Явилась полиція, купца отправили на съѣзжую, откуда онъ написалъ генераль-губернатору письмо, въ которомъ объяснилъ, что гусара обезчестилъ за то, что тотъ обезчестилъ его жену, а на утро повѣсился.

Вотъ это то печальное событіе, какъ рассказывалъ мнѣ одинъ изъ товарищей М. Ю. Лермонтова, нѣкто И. И. Парамоновъ, и натолкнуло поэта на мысль написать сказку о купцѣ Калашниковѣ, которой конечно дана болѣе блестящая по содержанію форма.

IV.

Въ царствованіе императора Николая, общій срокъ военной службы былъ 25-ти лѣтній. Рекрутскіе наборы производились при особыхъ, весьма тягостныхъ для населенія условіяхъ. Назначались въ рекруты люди отъ 20 до 35 лѣтъ, а при неимѣніи метрическихъ свидѣтельствъ, шли иногда старики 40—45 лѣтъ и болѣе. Принимаемымъ брили лбы, а бракуемымъ затылки. Людей, назначаемыхъ въ солдаты, привозили изъ деревень подъ присмотромъ бурмистровъ, управляющихъ и старостъ, связанными, а подъ часъ и въ кандалахъ. Послѣ приѣма ихъ отправляли подъ конвоемъ съ ружьями.

При такихъ порядкахъ, понятно, съ какими чувствами народъ шелъ отбывать эту тяжкую для него повинность. Исполненіе ея сопровождалось возмутительными сценами. Тутъ было все: и повальное, безпробудное пьянство назначенныхъ на очередь, и плачь, ревъ, вой, обмороки и причитанья, какъ-бы по мертвецъ, ихъ женъ, сестеръ и матерей, и безумная, безшабашная радость тѣхъ немногихъ, кто, по какому либо счастливому случаю, избавлялся отъ рекрутчины.

Я помню эти наборы. Въ началѣ сороковыхъ годовъ, мнѣ часто приходилось видѣть въ Москвѣ эти печальныя церемоніи жертвоприношенія народомъ дѣтей своихъ на алтарь отечества. Особенно врѣзался въ мою память слѣдующій трагикомическій эпизодъ.

Приемъ производился еще въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Воскресенской площади. Очередныхъ вводили въ приемъ по волостямъ или вотчинамъ. Семьи ихъ, родичи и друзья, а также городскіе зѣваки, составляли народныя массы вокругъ зданія присутственныхъ мѣстъ. Изрѣдка съ крыльца приема сбѣгалъ вѣстникъ и вѣщалъ: «такой-то и такой-то забриты, такой-то забракованъ». Вопли и стоны усиливались. Толпа колыхалась и выбрасывала изъ себя два-три семейства сданныхъ въ рекруты: они уходили оплакивать свое горе туда, гдѣ надъ ними никто не посмѣется. Порой съ крыльца сбѣгалъ забракованный съ громаднымъ выбритымъ на затылкѣ полумѣсяцемъ и начиналъ или креститься по направленіямъ къ соборамъ, или плясать среди толпы.

Но вотъ однажды сбѣгаетъ съ крыльца присутствія, разстелкивая стражу и толпу, неизвѣстно какъ ускользнувшій изъ приема молодой парень съ забритымъ затылкомъ, въ костюмѣ прародителя, волоча правой рукой по снѣгу пестрядинную свою рубаху. Толпа загоготала и разступилась, давъ ему дорогу. Парень, вѣроятно желалъ пробраться къ Иверской, забывая, что онъ совершенно голый, ринулся на площадь и понесся прямо, что есть мочи.

Въ это мгновеніе выѣзжалъ изъ за угла, мчавшійся на своихъ «непобѣдимыхъ» съ тремя конвойными казаками, оберъ-полицмейстеръ Цыпскій, не человекъ, а звѣрь, про котораго ходила въ народѣ поговорка: «украсть у батюшки свитку, у матушки свинку»¹⁾.

— Это что за безобразіе? раздался зычный голосъ начальника полиціи:— казакъ, взять его!

Казалъ бросился за парнемъ, парень отъ него, казакъ припорилъ лошадь и сталъ настигать нагиша. Казалось, вотъ, вотъ онъ его сейчасъ схватить; но парень не захотѣлъ поддаться, бросился на земь, и казакъ, перескочивъ черезъ него, пролетѣлъ да-

¹⁾ Намекъ на недостойность его быть въ царской свитѣ и на какіе-то денежные захваты.

леко впередъ. Парень же между тѣмъ вскочилъ и ударился бѣжать назадъ. Толпа ринулась на встрѣчу и заслонила его: кто набросилъ на него тулупъ, кто далъ валенки, кто надѣлъ шапку, и парень успѣлъ скрыться.

Цынскій рвалъ и металъ, но съ толпой ничего сдѣлать не могъ и уѣхалъ. На утро собрали къ нему всѣхъ волостныхъ и вотчинныхъ сдатчиковъ, провѣрили забракованныхъ и парня отыскиали. Судопроизводство въ то время было упрощенное: парня отправили въ частный домъ и тамъ отстегали, но отстегали должно быть неосторожно, такъ что бѣдняка пришлось отправить въ больницу, гдѣ онъ полежалъ, полежалъ и померъ.

А. П. Ермоловъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ: «ну, провѣдаютъ въ Петербургѣ, сошлютъ бѣднаго Цынскаго на Кавказъ, на мѣсто Нейдгардта».

V.

Въ «Хроникѣ петербургскихъ театровъ» А. И. Вольфа, мнѣ пришлось, между прочимъ, прочитатъ, что «въ Петербургѣ, при директорѣ театровъ А. М. Гедеоновѣ, имѣла громадное вліяніе на театральный міръ Мина Ивановна Б., занимавшая неофициальный, но весьма важный постъ театральной помпадурши. Отъ нея зависѣли главныя назначенія и ангажированія артистовъ, она вмѣшивалась и въ хозяйственную часть: ни одинъ подрядчикъ, ни одинъ поставщикъ не допускался безъ ея предварительнаго одобренія. За то квартира этой чухонской Аспазіи и вообще вся ея обстановка отличались необыкновенною роскошью. Въ ея салонахъ толпились не только артисты, но и всѣ лица, имѣвшія дѣло до ея патрона», и т. д.

Эта «чухонская Аспазія» была дѣйствительно всемогущая въ свое время фаворитка министра двора и друга императора Николая, покойнаго графа В. Ѳ. Адлерберга. Вліяніе ея не ограничивалось однимъ театральнымъ міркомъ, многое отъ нея зависѣло и вообще по министерству двора. Знаменитый острякъ, князь А. С. Меншиковъ, сказалъ однажды: «люблю я графа Адлерберга, но мнѣ его мина не нравится».

Дѣятельность фаворитки многимъ въ Петербургѣ извѣстна и до сихъ поръ памятна. Но многіе ли знали ея прошлое и случай ея возвышенія?

Вотъ что рассказывалъ мнѣ о ней М. С. Морголи, бывшій откупщикъ, человекъ, обладавшій въ свое время большимъ состояніемъ и любившій пожить. Онъ зналъ Мину еще «бѣдною».

Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, проживали въ Москвѣ двѣ сестры, нѣмки, дочери петербургскаго ремесленника, Юлія и Вильгельмина Ивановны Гутъ. Жили, конечно, и ничего не имѣли.

Ну, а какъ рыба ищетъ гдѣ глубже, а человѣкъ гдѣ лучше, то онѣ и задумали отправиться за счастьемъ въ Петербургъ. Это было въ 1834 году. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не существовало, а для сообщенія обѣихъ нашихъ столицъ предлагали свои услуги почты, казенныя или вольныя, и знаменитые частные дилижансы. Проѣзжая изъ Малороссіи по дѣламъ въ Петербургъ, Михаилъ Степановичъ заблагоразсудилъ отправиться изъ Москвы въ частномъ дилижансѣ, и вотъ тутъ то онъ имѣлъ случай познакомиться съ дѣвицами Гуть, отправившимися «за счастьемъ» въ Петербургъ. Само собою, дорога оказалась пріятною (дѣло было лѣтомъ). Продолжительныя остановки на станціяхъ, прогулки въ окрестныхъ лѣсахъ и рощахъ скрѣпили знакомство, которое по пріѣздѣ въ Петербургъ перешло въ дружбу.

Дѣвицы Гуть поселились на углу Большой Подъяческой и канала, въ д. Мейера, въ небольшой квартиркѣ третьяго этажа. Наружностью онѣ особенно не выдѣлялись, но вообще при первой встрѣчѣ производили пріятное впечатлѣніе. Обѣ сестры были блондинки. Старшая, Юлія, имѣла 23 — 24 года, ростъ средній, лицо полное, немного рябоватое, отличалась чрезвычайно живымъ и веселымъ характеромъ. Младшей, Вильгельминѣ, было не болѣе 17 — 18 лѣтъ, ея маленькое, выразительное личико, молчаливость и мечтательность невольно какъ то располагали къ ней всякаго. Жили онѣ бѣдно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ средствъ не было. Одѣвались скромно, но прилично, квартирку содержали чисто. Михаилъ Степановичъ посѣщалъ ихъ около года и вносилъ въ семью нѣкоторый достатокъ, но онъ въ 1835 году отправился въ Малороссію и покровителемъ дѣвицъ Гуть остался товарищъ его, Абрамъ Григорьевичъ Юровскій, богатый малороссійскій помѣщикъ, содержавшій въ то время на откупѣ нѣсколько уѣздовъ въ Малороссіи. Онъ былъ уже не молодецъ, лѣтъ 50-ти, росту средняго, худощавый, съ громадной лысиной на головѣ. Особенно отличался онъ тѣмъ, что имѣлъ глаза не одинаковаго цвѣта: одинъ сѣрый, другой голубой. Покровительство его повело къ тому, что сестры разъѣхались. Юлія осталась въ Подъяческой, а Вильгельмина переѣхала на Пески.

Знаменитый пожаръ Песковъ, истребившій почти всю эту часть города осенью того года, сдѣлалъ карьеру Вильгельмины Гуть. Извѣстно, что императоръ Николай имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на всякій мало-мальски серьезный пожаръ и личнымъ присутствіемъ и распорядительностію содѣйствовалъ къ скорѣйшему локализованію и тушенію огня. На песковскій пожаръ онъ пріѣхалъ съ генералъ-адъютантомъ графомъ В. О. Адлербергомъ. Помѣстившись почти въ самомъ центрѣ объятой пожаромъ мѣстности, государь отдавалъ приказанія и вдругъ видитъ изъ воротъ одного деревяннаго, только что загорѣвшагося недалеко домика выбѣжала

съ распущенными волосами, въ одной сорочкѣ и босикомъ, молодая дѣвушка, которая, какъ безумная, металась по улицѣ и молила о помощи. Государь обернулся къ графу Адлербергу и сказалъ: «надо ее укрыть гдѣ нибудь». Нѣсколько полицейскихъ чиновъ уже окружили дѣвушку; графъ подошелъ къ ней, накинулъ на нее свою шинель и велѣлъ отвезти ее къ себѣ на квартиру.

Это была «Мина» и съ этой ночи начался ея фаворъ.

М. С. Морголи посѣтилъ ее въ слѣдующемъ году. Она уже вошла въ свою роль и начинала господствовать. Не стану распространяться о ея вліяніи на графа Адлерберга, скажу только, что многіе, какъ напримѣръ Тарасовъ и др., нажили чрезъ нея состояніе. Для пріобрѣтенія же соціальнаго положенія, она вышла замужъ за почтоваго чиновника Б., котораго отправили почтмейстеромъ въ Сибирь, гдѣ онъ и дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Значитъ, «Мина» вышла въ генеральши. Сестра ея Юлія также вышла замужъ за почтоваго чиновника, но карьеры себѣ не сдѣлала.

Была у «Мины» еще сестра — Александра Ивановна, старше Юліи года на три, женщина замѣчательной красоты. Въ 1829 году она плѣнила одного гвардейскаго офицера, полковника В. И. Родзянко, и уѣхала съ нимъ въ его имѣніе, Полтавской губерніи. Тамъ они обвѣнчались, но какъ то не по уставу церкви, или съ нарушеніемъ его правилъ. Мать и братья Родзянко возбудили дѣло и судъ, тянувшійся довольно долго, въ продолженіе котораго мужъ ея умеръ, а она отправилась съ какимъ то проходимцемъ въ Одессу, была имъ въ дорогѣ обобрана и явилась въ Петербургъ, когда фаворитизмъ «Мины» начался. Здѣсь она успѣла добиться пересмотра ея дѣла, кончившагося преданіемъ участниковъ суду. Но Александра Ивановна вышла изъ воды сухою. Она была признана законной женой полковника Родзянко и получила вдовью часть 230 душъ крестьянъ въ Полтавской губерніи. Пострадали же только священникъ, да нѣсколько свидѣтелей дворовыхъ, отданныхъ въ солдаты или сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе.

VI.

Курьезны бываютъ иногда отношенія нашихъ русскихъ дѣятелей въ Литвѣ къ бѣднымъ русскимъ людямъ.

У меня есть одинъ добрый знакомый, нѣкто В. С. Александровъ. Происходя изъ дворянъ Псковской губерніи, онъ отдалъ въ юности дань вѣку, т. е. прослужилъ извѣстное число лѣтъ въ военной службѣ, и въ 1871 году, не имѣя надежды достигнуть степеней извѣстныхъ, вышелъ въ отставку съ тѣмъ, чтобы пріискать себѣ болѣе спокойное мѣсто въ гражданской службѣ. Человѣкъ не-

богатый, скромный, непыющий, онъ остался въ Западномъ краѣ, гдѣ стоялъ полкъ, въ которомъ онъ служилъ, и гдѣ онъ, какъ русскій, надѣялся скорѣе найти мѣсто.

Первые шаги свои онъ направилъ въ Гродно, гдѣ въ то время губернаторствовалъ извѣстный князь Крапоткинъ, такъ печально окончившій впослѣдствіи жизнь свою въ Харьковѣ.

Начались хожденія къ губернатору, къ предсѣдателямъ разныхъ палатъ, къ акцизному и другому начальству. Но бѣднаго просителя безъ связей, безъ рекомендацій, встрѣчалъ вездѣ сухой пріемъ и извиненія въ неимѣніи вакансій. При дальнѣйшихъ хожденіяхъ слѣдовали обѣщанія имѣть въ виду при случаѣ; далѣе слышались сожалѣнія о невозможности предоставить мѣсто и, наконецъ, всѣ просьбы и исканья завершились грубыми отказами.

А время между тѣмъ бѣжало быстро. Проходилъ мѣсяцъ, другой, нѣсколько; сдѣланныя въ военной службѣ кой-какія сбереженія были стѣдены, излишнія вещи заложены, явились долги, а затѣмъ невидимо подкралось лишеніе, голодъ и нищета. Безо всякихъ знакомствъ, безъ средствъ, одинъ-одинѣшенекъ въ чужомъ городѣ, Василій Степановичъ не зналъ что дѣлать: приходилось искать кусокъ хлѣба поденной работой, или идти по стезѣ преступленія. Онъ жилъ на краю города, у одного бѣднаго еврея — портнаго, который, сожалѣя о его несчастіи и неудачахъ, посовѣтовалъ ему обратиться къ архіерею съ просьбой помочь ему пріискать мѣсто, въ которомъ ему явно отказывали въ виду его русскаго происхожденія. Дѣйствительно, Муравьева и Кауфмана давно уже въ краѣ не было и Потаповскія идеи о покровительствѣ туземцамъ въ обществѣ преобладали. Александровъ рѣшился отправиться къ преосвященному.

Гродненскую кафедру занималъ тогда Игнатій, бывшій викаріемъ литовскаго митрополита Іосифа Симашко. Это былъ маститый старецъ, съ бѣлыми, какъ лунь, волосами и бородой, крикливымъ голосомъ и дрожащими отъ старости руками. Онъ, говорили, былъ богатъ, но память измѣняла ему, такъ что послушники его частенько прибирали за нимъ кредитные билеты, которые онъ разсовывалъ по столамъ и ящикамъ и забывалъ. Онъ любилъ пожить, поѣсть, но въ обращеніи съ людьми былъ грубъ и отличался индифферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія.

Въ одно пасмурное утро, съ какой-то неясной тревогой въ душѣ, бѣдный Василій Степановичъ отправился въ епископскій дворецъ, и, прійдя въ пріемную, просилъ послушника доложить о немъ его преосвященству.

— Подождите, отвѣчалъ покровительственно молодой, франтоватый послушникъ.

Другихъ посѣтителей никого не было, и потому пришлось ждать долго. Наконецъ, около полудня, преосвященный изволилъ выйти

съ посохомъ въ рукѣ, и остановясь посреди комнаты, спросилъ: «что ты?»

Подойдя подъ благословеніе, Александровъ объяснилъ владыкѣ свое положеніе и тѣ препятствія, которыя встрѣчалъ при отысканіи мѣста, просилъ его предстательства объ опредѣленіи куда нибудь на службу, при чемъ представилъ и всѣ выданные ему отъ военнаго начальства бумаги и аттестаты о знаніяхъ и поведеніи.

Объясненія Александрова архіерей выслушалъ молча, нахмурилъ брови, и изрѣдка, какъ будто въ нетерпѣніи, постукивая объ полъ посохомъ. Потомъ посмотрѣлъ документы, и, возвращая ихъ, сказалъ: «документы твои ничего не значать: ты могъ быть прежде хорошъ, а теперь худъ, и на оборотъ, прежде могъ быть худъ, а теперь хорошъ. Я, какъ лицо духовное, могу ходатайствовать только о тѣхъ лицахъ, которые мнѣ лично извѣстны, а тебя я не знаю. Иди къ губернатору и проси его!»

Александровъ отвѣчалъ, что онъ былъ уже нѣсколько разъ и у губернатора, и у другихъ властныхъ лицъ, но безъ сильнаго заступничества у нихъ нельзя получить мѣста.

— Ну, такъ что же я могу для тебя сдѣлать? возразилъ съ горячностью Игнатій: — хочешь въ монахи — я приму.

— Не имѣю призванія, святой отецъ, отвѣчалъ Александровъ, и, извиняясь за причиненное безпокойствіе, вышелъ изъ пріемной.

Онъ сходилъ уже съ высокаго крыльца архіерейскаго палаццо, какъ вдругъ громкій голосъ послушника остановилъ его и пригласилъ опять къ преосвященному.

Сердце учащенно билось у бѣднаго просителя, когда онъ снова входилъ въ пріемную залу; ему казалось, что вотъ, наконецъ, счастье улыбается, онъ получитъ мѣсто и будетъ имѣть кусокъ насущнаго хлѣба.

Суровый архіерей стоялъ на томъ же мѣстѣ, опираясь на посохъ и усиленно моргая бровями. При приближеніи къ нему Александрова, онъ быстро протянулъ правую руку и, подавая нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ, сказалъ ему: «Вотъ на!.. чѣмъ могу, тѣмъ помогаю».

Несчастный Александровъ совершенно растерялся и нѣсколько времени не находилъ словъ для отвѣта. Эта милостыня, грубая, унижающая и оскорбляющая человѣческое достоинство, пришибла его окончательно, и онъ, сквозь слезы, едва могъ выговорить, что онъ пришолъ не за подаеніемъ, но чтобы получить право на заработокъ куска хлѣба, въ чемъ ему, какъ русскому, всѣ отказываютъ.

— А когда такъ — вскричалъ Игнатій, обращаясь къ послушнику внѣ себя отъ гнѣва и стуча, что есть силы, посохомъ объ полъ: — гони его вонъ!.. вонъ!.. вонъ!..

Александровъ бросился къ дверямъ, а вслѣдъ ему летѣли восклицанія гнѣвнаго архіерея: «гони же его!.. Если бы былъ бѣденъ, то взялъ бы... а то видно, что...»

Нужно ли говорить, что только благодаря снисхожденію послушниковъ, съ которыми онъ до выхода архіерея долго бесѣдовалъ и успѣлъ расположить ихъ къ себѣ, онъ не былъ спущенъ съ лѣстницы, по которой еще такъ недавно вела его надежда на благость высшаго представителя нашихъ духовныхъ интересовъ въ краѣ.

Подобный пріемъ такъ повліялъ на нервную систему Александрова, что онъ до сихъ поръ не можетъ видѣть равнодушно ни архіереевъ, ни священниковъ, ни монаховъ.

П. Мартыановъ.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

В КОНЧИВЪ борьбу съ Наполеономъ и умпротв-
 ривъ Европу, императоръ Александръ I возъи-
 мѣлъ намѣреніе ближе ознакомиться съ внут-
 ренней жизнью, нуждами и потребностями своего
 народа, и съ этой цѣлю неоднократно предпри-
 нималъ путешествія по имперіи. Такимъ обра-
 зомъ, въ 1817 году, совершилъ онъ поѣздку по
 центральной Россіи; въ 1819 году, въ Петроза-
 водскъ и Архангельскъ, а оттуда въ Торнео и
 Финляндію; въ 1820 году, государь снова путешествовалъ по Рос-
 сіи, и затѣмъ отправился въ Варшаву; въ 1822 году, обозрѣвалъ
 Псковскую и Витебскую губерніи и былъ въ Вильнѣ; въ 1824 году,
 посѣтилъ губерніи: Псковскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую,
 Рязанскую, Тамбовскую, проѣхалъ въ Пензу, обозрѣлъ Оренбург-
 скій край, Екатеринбургъ, Вятку, Вологду и Новгородъ; въ 1825
 году, навѣстилъ Ригу и Ревель, и незадолго передъ кончиной осча-
 стливилъ своимъ посѣщеніемъ Землю войска Донскаго и Крымъ.

Въ путешествіяхъ государю сопутствовали постоянно: генераль-
 адъютантъ князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Вилліе
 и полковникъ А. Д. Соломка, иногда—баронъ И. И. Дибичъ и дру-
 гія лица.

Аѳанасій Даниловичъ Соломка поступилъ на службу въ глав-
 ный штабъ его императорскаго величества въ 1815 году, а въ
 1818 году былъ назначенъ въ должность оберъ-вагенмейстера, и въ
 этомъ званіи неизмѣнно сопровождалъ государя во всѣхъ его пу-
 тешествіяхъ какъ по Россіи, такъ и за границую. Это былъ чест-

ный, прямой и преданный слуга, находившійся постоянно при особѣ царя и готовый, по его мановенію, идти въ огонь и воду. Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ подобную преданность и, съ своей стороны, оказывалъ ему полное довѣріе и дружбу, въ доказательство чего онъ поручалъ ему принимать подаваемые на высочайшее имя прошенія, вести имъ подробный журналъ и лично докладывать по нимъ. Наиболѣе же рельефное значеніе приобрѣтала служба Аѳанасія Даниловича во время путешествій государя.

Изстари путешествіе государя составляло эпоху для народа. Объявленное заблаговременно, оно дѣлалось извѣстнымъ въ отдаленныхъ уголкахъ назначенной къ обзорѣ мѣстности и волновало ихъ. По всему пути, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь, собирались массы городского и сельскаго люда, въ особенности много стекалось народу въ мѣстѣ остановокъ царя для отдыха или дневокъ. Одни приходили взглянуть на батюшку царя, пожелать ему всякаго счастія и благословить на дальнѣйшій путь; другіе же шли повергнуть къ стопамъ монарха просьбу о защитѣ или помощи, повѣдать свои кручины и нужды.

Съ этими то кручинами и нуждами приходилось вѣдаться до вѣренному оберъ-вагенмейстеру и немало было ему съ ними дѣла. Императоръ Александръ I придавалъ особенное значеніе личному обращенію къ нему подданныхъ съ прошеніями, вникалъ въ сущность ихъ и старался, по возможности, удовлетворять ихъ. Онъ желалъ, чтобы прошенія принимались вездѣ, во всякое время и отъ всѣхъ, безъ различія пола, возраста и состоянія. Если государственныя дѣла мѣшали ему заняться приемомъ прошеній самому, то онъ поручалъ это Аѳанасію Даниловичу, приказавъ ему разъ навсегда: подаваемые прошенія при приемѣ прочитывать и, если окажется нужнымъ, то тутъ же, на мѣстѣ, и дополнять ихъ опросомъ и объясненіями просителей. Затѣмъ онъ долженъ былъ занести ихъ въ журналъ и непремѣнно въ тотъ же день повергнуть на монаршее воззрѣніе. По полученіи же резолюціи тотчасъ сдѣлать исполненіе. Замедленій государь не допускалъ. Онъ самъ занимался неустанно, прочитывая нужныя бумаги или доклады даже во время пути, въ коляскѣ. Резолюціи его по дѣламъ, зависѣвшимъ отъ непосредственнаго монаршаго благоусмотрѣнія или милости, въ тотъ же день сообщались просителямъ. По дѣламъ же, требовавшимъ справокъ или заключеній начальствующихъ лицъ или правительственныхъ учреждений, писалось подлежащимъ властямъ, съ обязательствомъ доставить по нимъ исполнительное донесеніе въ наикратчайшій срокъ (обыкновенно двухнедѣльный или мѣсячный). За исполненіемъ этого государь наблюдалъ лично, просматривая въ журналѣ отмѣтки о времени исполненія предписаній, — и горе тому, кто осмѣлился бы стать между просителями и царемъ, хотя бы даже неумышленно. Нижеслѣдующій случай, про-

испешій съ Аѳанасѣмъ Даниловичемъ, во время путешествія государя по сѣверу Россіи, можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что малѣйшее уклоненіе отъ данныхъ царемъ инструкцій не проходило даромъ: виновный наказывался болѣе чѣмъ строго.

Поѣздъ царскій обыкновенно слѣдовалъ такимъ порядкомъ. Впереди коляска государя, затѣмъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, далѣе коляски свиты, лейбъ-медика и другихъ лицъ. Ночью же впереди ѣхалъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, съ козакомъ Овчаровымъ на козлахъ, имѣвшимъ въ рукахъ особый освѣтительный аппаратъ, и за нимъ уже коляска государева и свитскіе экипажи.

Поѣздка на сѣверъ Россіи продолжалась съ 4-го іюля по 25-е августа. Въ Петрозаводскѣ, по росписанію, назначена была дневка. Прибыли туда въ сырую, ненастную погоду. Громадная толпа народа, въ надеждѣ увидѣть императора, не смотря на проливной дождь, стояла подъ окнами дома, гдѣ онъ остановился и ждала его появленія. Пока государь переодѣвался, Аѳанасій Даниловичъ, по его порученію, приступилъ къ приему отъ просителей прошеній. Мѣстныя власти, желая услужить царскому приближенному, распорядились подостлать ему подъ ноги нѣсколько досокъ, и хлопотунъ оберъ-вагенмейстеръ, стоя на нихъ, опрашивалъ просителей и заносилъ ихъ отвѣты въ памятную книжку. Государь, подойдя къ окну, замѣтилъ, что уполномоченное имъ для принятія прошеній лицо стоитъ на деревянномъ помостѣ, а окружающіе его просители вязнутъ въ грязи. Это ему не понравилось; онъ отошелъ отъ окна и въ волненіи прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, но никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ. Подойдя же черезъ нѣсколько минутъ снова къ окну, онъ увидѣлъ, что Аѳанасій Даниловичъ прекратилъ приемъ прошеній, не обративъ вниманія на то, что невдалекѣ отъ него стоялъ какой-то не то больной, не то сильно взволнованный бѣднякъ, явно имѣвшій нужду въ помощи. Это окончательно прогнѣвило государя, и онъ приказалъ позвать къ себѣ своего довѣреннаго слугу.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, — встрѣтилъ Александръ Павловичъ явившагося къ нему оберъ-вагенмейстера: — зачѣмъ я васъ вожу съ собою... ¹⁾ какъ куклу, или для исполненія моихъ приказаній?

Полковникъ Соломка, не зная причины гнѣва государя, оторопѣлъ и ничего не могъ отвѣтить.

— Что вы, — горячился между тѣмъ государь: — принимая прошенія, оказываете свои личныя милости, или служите мнѣ и исполняете мою волю? Вы позволили себѣ потребовать подъ ноги подстилку, чтобы стоять съ удобствомъ и комфортомъ, а люди, пришедшіе ко мнѣ съ просьбами, должны вязнуть въ грязи! Вы

¹⁾ Лицамъ, на которыхъ государь гнѣвался, онъ говорилъ уже не «ты», а «вы».

такъ высоко себя поставили, что, вамъ кажется, иначе и быть не должно, тогда какъ вамъ небезызвѣстно, что мое расположеніе одинаково ко всѣмъ, какъ къ людямъ, близко стоящимъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ, которые вонъ тамъ вязнутъ въ грязи. Вы знаете, что всѣ мои вѣрноподданные одинаково близки моему сердцу.

— Винавать, ваше императорское величество, что я позволилъ себѣ стать на доски,—отвѣчалъ, собравшись съ мыслями, Аѳанасій Даниловичъ:—но моего приказанія не было, чтобы устроить для меня какія либо удобства; это не что иное, какъ простая любезность со стороны здѣшнихъ властей.

— А что это за личность, стоявшая въ числѣ просителей, блѣдная, бѣдно одѣтая, съ большими, кудрявыми, черными волосами? Вы не могли не замѣтить ее; это, судя по наружности, навѣрно, одинъ изъ наиболѣе нуждающихся. Можете вы доложить мнѣ, кто это и въ чемъ заключается его просьба?

— Государь, этого человѣка я замѣтилъ, но кто онъ такой и въ чемъ заключается его просьба, я сказать не могу, такъ какъ онъ ко мнѣ не подходилъ и просьбъ никакихъ не заявлялъ.

— Да! вы стояли на подмосткахъ! Вамъ трудно было сойти въ грязь къ нуждающимся, чтобы опросить ихъ и доложить мнѣ объ ихъ нуждахъ!—вѣдь такихъ, можетъ быть, много... Извольте сейчасъ-же отправиться, собрать самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ и немедленно довести мнѣ.

Но «человѣка этого» уже не было, онъ куда то улетучился, и Аѳанасій Даниловичъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ о немъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей. Оказалось, что это дѣйствительно несчастный человѣкъ. Жилъ онъ неподалеку отъ города въ своей усадьбѣ въ полномъ достаткѣ, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Но нѣсколько времени тому назадъ у него случился пожаръ, усадьба и все имущество сгорѣли. Но что всего ужаснѣе—во время пожара погибла его жена и трое дѣтей. Спасли только двухъ малолѣтковъ, которыхъ и пріютили у себя добрые люди. Утраты эти такъ подѣйствовали на несчастнаго, что онъ впалъ въ болѣзненное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, но помощи ни отъ кого принять не хотѣлъ. Подобныя свѣдѣнія ошеломили почтеннаго оберъ-вагенмейстера, и, пока онъ составлялъ всеподданнѣйшій докладъ о несчастномъ, государь присылалъ за нимъ три раза.

— Читайте!—сказалъ императоръ, когда Аѳанасій Даниловичъ представилъ ему докладъ.

— Не могу, государь,—отвѣчалъ трепещущій докладчикъ:—я такъ потрясенъ...

— Читайте!—повторилъ Александръ Павловичъ болѣе строго.

Бѣдный оберъ-вагенмейстеръ окончательно потерялся. У него дрожали руки и рябило въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что спазмы

сдавили ему горло, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова.

— Читайте! я вамъ говорю! — возвысилъ между тѣмъ голосъ разгнѣванный монархъ, и въ словахъ его звучала нота раздраженія.

Запаваясь и съ разстановками, чуть слышно, едва-едва могъ прочитать Аѳанасій Даниловичъ царю докладъ о несчастномъ больномъ, сознавая себя въ десять разъ несчастнѣе его.

— Ну, что вы мнѣ на это скажете? — спросилъ его немного успокоившійся тѣмъ временемъ царь.

— Виновать, ваше императорское величество.

— Виноваты! а онъ-то чѣмъ виновать, что вы не исполняете моихъ приказаній! — внушительно возразилъ Александръ Павловичъ и, взявъ перо, положилъ на докладъ резолюцію: «назначить доктора для попеченія о больномъ, дѣтей его помѣстить въ учебныя заведенія и содержать отца до выздоровленія, а дѣтей — до поступленія на службу на счетъ собственныхъ моихъ суммъ. На постройку же усадьбы и обзаведеніе — выдать изъ того же источника пособие, въ размѣрѣ стоимости сгорѣвшаго имущества».

— А васъ я больше видѣть не могу, — присовокупилъ государь, отдавая Аѳанасію Даниловичу резолюцію свою для исполненія.

На другой день, когда императоръ сѣлся въ экипажъ, полковникъ Соломка, по обязанности своего званія, подошелъ къ экипажу, чтобы помочь государю подняться на подножку; Александръ Павловичъ уклонился отъ услугъ своего опального оберъ-вагенмейстера, замѣтивъ холодно: «вы помните, что я сказалъ вамъ вчера».

Аѳанасій Даниловичъ ступевался. Положеніе его при главной квартирѣ сдѣлалось ненормальнымъ. Онъ исполнялъ обязанности оберъ-вагенмейстера, но къ царю подходить не смѣлъ. Каждый день онъ ждалъ назначенія себѣ преемника, но преемника ему не назначали. Время шло, а обстоятельства не измѣнялись. Такъ близко къ царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ него! Сознаніе подобнаго ничѣмъ необъяснимаго порядка не могло не вліять на впечатлительную натуру честнаго царскаго слуги. Онъ осунулся, похудѣлъ и постарѣлъ до неузнаваемости. Въ особенности гнѣла его мысль, что государь на него еще гнѣвается. — «Душа вся изныла за это время, — говорилъ потомъ Аѳанасій Даниловичъ: — но дѣлать нечего, нужно было терпѣть — и терпѣлъ».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но вотъ наступилъ постъ. Императоръ началъ говѣть. Съ нимъ вмѣстѣ говѣли и близкіе къ нему люди. Аѳанасій Даниловичъ тоже началъ говѣть, но, приходя въ церковь, становился въ алтарѣ и государю не показывался. Передъ исповѣдью Александръ Павловичъ послалъ своего камердинера позвать къ себѣ полковника Соломку и по приходѣ его въ кабинетъ, государь, по обряду православной церкви, троекратно поклонился ему и просилъ у него прощенія.

— Ваше императорское величество, я также говѣю,—воскликнулъ, заливаясь слезами, опальный царскій слуга:—ради самого Господа простите мнѣ мои вольныя и невольныя прегрѣшенія!—и упалъ царю въ ноги.

— Богъ тебя простить, Аѳанасій Даниловичъ,—сказалъ императоръ, поднявъ и поцѣловавъ его:—забудемъ прошлое! я знаю тебя, ты—вѣрный слуга мой, вотъ почему я тебя и не оттолкнулъ отъ себя. Я зналъ, что ты неумышленно сдѣлалъ это, и я, любя тебя, далъ тебѣ урокъ. Никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ жизни людьми, которыхъ мы не знаемъ. Но я радъ, что ты доставилъ мнѣ случай исполнить долгъ не только царя, но и христіанина. Теперь все забыто! и ты опять мнѣ такъ же дорогъ, какъ и прежде. Ступай и исполняй свои обязанности, какъ ты исполнялъ ихъ всегда.

Послѣ принятія св. тайнъ государь принималъ поздравленія своихъ близкихъ и свиты. Послѣднимъ подошелъ поздравить его Аѳанасій Даниловичъ. Окружающіе, не зная о происшедшемъ наканунѣ примиренія, смотрѣли съ любопытствомъ, какъ приметъ царь поздравленія своего опального слуги. Удивленію ихъ не было границъ, когда Александръ Павловичъ съ улыбкою протянулъ ему руку, обнялъ и поцѣловалъ, говоря:—«Дважды поздравляю тебя, Аѳанасій Даниловичъ, съ принятіемъ св. тайнъ и съ возвращеніемъ прежняго моего къ тебѣ расположенія. Смотри же, постарайся оправдать его!»

И преданный слуга оправдалъ его. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ состоялъ на службѣ при главной квартирѣ: сперва въ званіи оберъ, а потомъ генераль-вагенмейстера, и умеръ, заслуживъ признательность и уваженіе трехъ императоровъ: Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича.

«Урокъ», данный ему Александромъ Павловичемъ, не пропалъ безслѣдно: онъ сталъ болѣе чутокъ къ горю и бѣдамъ ближняго, и не только старался помогать людямъ, обращающимся къ нему съ просьбами, но самъ розыскивалъ несчастныхъ и предстательствовалъ за нихъ передъ царемъ ¹⁾.

II.

Путешествія императора Александра I не могли не быть плодотворны для народа. Изъ дальнихъ уголковъ нашего обширнаго отечества рѣдкій изъ нуждающихся, и то въ крайнемъ случаѣ, шелъ въ Петербургъ просить у царя защиты или помощи. Но если «надежда-государь» пріѣзжалъ самъ и былъ вблизи отъ нихъ, они всѣ приходили къ нему съ своими слезными грамотками и челобит-

¹⁾ Разсказъ этотъ записанъ со словъ сына А. Д. Соломки, генераль-маіора Сергѣя Аѳанасьевича Соломки.

ными. Пусть нѣкоторые изъ нихъ просили невозможнаго, но большинство получало отъ щедротъ царя то, зачѣмъ они никогда не дерзнули бы пойти въ далекій, безсердечный Питеръ.

На одной станціи, во время путешествія Александра I по восточнымъ губерніямъ Россіи, императоръ имѣлъ отдыхъ. Уставъ съ дороги, онъ прилежъ на диванъ и задремалъ. Оберъ-вагенмейстеръ Соломка занялся приѣмомъ прошеній отъ просителей. Окончивъ приѣмъ, онъ замѣтилъ, что не вдалекѣ отъ дома, занимаемаго императоромъ, стоятъ два молодыхъ человѣка въ крестьянскихъ армякахъ, весьма подержанныхъ, и въ изношенныхъ лаптяхъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, за плечами—котомки. Предполагая, что юноши эти имѣютъ какую либо просьбу къ царю, онъ подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать: кто они и зачѣмъ тутъ находятся. Молодые люди, снявъ шапки и вѣжливо поклонившись Аѳанасью Даниловичу, отвѣчали, что они—старшіе сыновья сосланнаго императоромъ Павломъ въ Сибирь Василья Пассека—Леонидъ и Діомидъ Пассеки, узнавъ о проѣздѣ царя, пришли изъ Сибири пѣшкомъ просить помилованія и пощады своему старику-отцу и ждутъ случая подать просьбу государю лично.

— Отчего вы не подошли ко мнѣ, когда я принималъ прошенія отъ другихъ?—спросилъ Соломка.

— Намъ отецъ приказалъ подать прошеніе лично государю, и мы не смѣли преступить его волю, хотя и знали, что вы принимаете прошенія.

— Государь теперь отдыхаетъ, и потому подать ему прошенія теперь невозможно,—отвѣчалъ Аѳанасій Даниловичъ:—но если вы непремѣнно желаете подать ему прошеніе лично, то всего лучше было бы, если бы вы отправились на слѣдующую станцію: тамъ государь будетъ обѣдать и, по всей вѣроятности, приметъ ваше прошеніе.

— Но какъ мы отправимся, когда у насъ ни копѣйки нѣтъ денегъ? Мы и то уже нѣсколько дней пробиваемся по крестьянамъ.

Оберъ-вагенмейстеръ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, доставъ оттуда бѣлую ассигнацію, далъ имъ, сказавъ, чтобы они отправлялись немедленно и были на слѣдующей станціи къ часу дня непремѣнно.

Черезъ нѣсколько времени Аѳанасій Даниловичъ увидѣлъ ихъ идущими верхомъ на одной лошади и подозвалъ къ себѣ.

— Что это вы чудите, господа?—спрашиваетъ ихъ оберъ-вагенмейстеръ.

— Ни чуть не чудимъ, отвѣчаютъ они, лошади всѣ забраны подъ царскій поѣздъ, и намъ едва-едва удалось раздобыться вотъ этой клячей у крестьянина, за которую мы и заплатили ему вашу бѣлую ассигнацію.

— Да вѣдь вы на ней, пожалуй, опоздаете.

— Что же дѣлать!.. пѣшкомъ идти и вовсе не успѣешь, а на лошади, всетаки, какъ нибудь доберемся.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

На утро царскій поѣздъ обогналъ ихъ на дорогѣ. Государь на ихъ привѣтствіе отдалъ имъ поклонъ и внимательно осмотрѣлъ. На станціи, во время стола, Александръ Павловичъ замѣтилъ, что къ окнамъ столовой комнаты подходили нѣсколько разъ и робко заглядывали въ окна какіе-то крестьяне. Всмотрѣвшись въ нихъ, онъ обратился къ полковнику Соломкѣ и сказалъ: — «Да это, кажется, наши юные скины, которые давеча утромъ гарцовали по дорогѣ на одной лошади... Выйди къ нимъ, Аѳанасій Даниловичъ, и спроси ихъ, что имъ нужно?»

Оберъ-вагенмейстеръ рассказалъ государю, кто они и какъ онъ распорядился доставить ихъ сюда.

— Дѣло! — сказалъ государь: — ну, поди, позови ихъ ко мнѣ!

Полковникъ Соломка ввелъ юношей. Они бросились къ ногамъ монарха, обняли ихъ руками и, не отнимая прильнувшихъ къ нимъ головъ, съ рыданіями вопили: — «Милосердія, государь, милосердія!.. одного только милосердія, государь, къ безвинно пострадавшему старику и его несчастнымъ дѣтямъ!..»

Картина вышла поразительная. Александръ Павловичъ даже прослезился.

— Встаньте, встаньте! — говорилъ онъ имъ. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но мнѣ надо разобрать дѣло.

Юноши встали.

— Возвратитесь къ отцу, — продолжалъ растроганный царь: — и скажите ему, что я рассмотрю его дѣло самъ. Въ милостяхъ моихъ онъ сомнѣваться не можетъ... ну, а васъ за то, что вы такъ усердно исполнили отцовскую волю, я велю помѣстить въ учебныя заведенія; повидавшись съ отцомъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, — и, обратившись къ Аѳанасію Даниловичу, добавилъ: выдать имъ прогоны на проѣздъ къ отцу и оттуда въ Петербургъ.

Въ тотъ же день полетѣлъ фельдъегерь съ запросомъ о старикѣ Пассекѣ и, по полученіи отвѣта и рассмотрѣніи дѣла, императоръ повелѣлъ возвратить ему дворянство, а также отобранное у него въ казну имѣніе и позволить ему возвратиться въ Россію. Сыновей его, Леонида и Діомида, принять въ учебныя заведенія, куда окажутся способны, и воспитать на казенный счетъ. Дѣтей же, рожденныхъ въ Сибири, считать принадлежащими къ дворянскому сословію.

Въ сороковыхъ годахъ «юные скины» пріѣзжали къ Аѳанасію Даниловичу благодарить его за все сдѣланное для нихъ на станціи подъ Екатеринбургомъ; но это уже были не крестьянскіе парни, въ рваныхъ зипунахъ, а блестящіе представители тогдашняго молодого поколѣнія: одинъ (Леонидъ) морякъ, капитанъ, а другой (Діо-

мидь) храбрець-генераль, въ скорости затѣмъ такъ геройски погибшій на Кавказѣ¹⁾.

III.

Въ 1833 году, въ бытность свою въ Москвѣ, императоръ Николай I посѣтилъ 5-ю гимназію, нашелъ ее въ отличномъ состояніи и благодарилъ какъ директора Оленина, такъ и все прочее начальство ея. Въ особенности ему понравилось, что нѣсколько воспитанниковъ, обученные находившимся въ гимназіи сыномъ А. Х. Бенкендорфа, прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ и сдѣлали руками примѣрно ружейные приемы «на плечо» и «на караулъ». Онъ подозвалъ къ себѣ командира этого дѣтскаго отряда и поцѣловалъ его. Для дальнѣйшихъ упражненій воспитанниковъ въ ружейныхъ приемахъ, государь приказалъ доставить изъ кадетскаго корпуса деревянныя ружья, а лучшихъ — перевести въ новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, тогда только что устроивавшійся.

Затѣмъ, Николай Павловичъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, войдя въ залу, расположился посрединѣ и сталъ играть съ воспитанниками. Онъ разстегнулъ сюртукъ и, взявъ нѣсколько мальчиковъ въ распростертыя руки, началъ возиться съ ними; масса дѣтей бросилась къ нему — всякому хотѣлось хотя дотронуться до государя, и они принялись теревить его. Государь сѣлъ на полъ, бралъ дѣтей десятками и клалъ рядомъ съ собою. Воспитанники лѣзли на государя все болѣе и болѣе и, наконецъ, совсѣмъ повалили на полъ. Долго возился съ ними развеселившійся царь и, когда всталъ на ноги, у него не оказалось ни одной пуговицы на сюртукѣ, — воспитанники ухитрились во время игры обрѣзать ихъ.

— Ахъ, мальчуганы! — засмѣялся государь: — что это вы надѣлали?

— Это на память о васъ, ваше императорское величество, — отвѣчали тѣснившіеся вокругъ его воспитанники.

— Но какъ же я теперь доѣду домой?

— Какъ нибудь доѣдете!.. завернитесь въ шинель, — весело смѣялись воспитанники, цѣлуя его руки.

— Ну, хорошо! — сказалъ, прощаясь, государь: — только смотрите, будьте молодцами, и я буду любить васъ.

— Постараемся, — кричали воспитанники ему вслѣдъ: — прощайте, ваше величество, не забывайте насъ!..²⁾

¹⁾ Записано со словъ генераль-маіора Сергѣя Аѳанасьевича Соломки.

²⁾ Со словъ генераль-маіора А. Д. Симановскаго, бывшаго въ то время воспитанникомъ гимназіи.

IV.

Во время политических волненій въ Австріи, въ 1848—1849 годахъ, дежурный штабъ-офицеръ управленія кievскаго генераль-губернатора, маіоръ Михаилъ Дмитріевичъ Позднякъ, по распоряженію генераль-адъютанта Бибикова, неоднократно былъ командированъ по дѣламъ службы на австрійскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, городничій представилъ ему заарестованнаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ пенс-нэ, и ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языкѣ: «Король Лиръ» Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и, при допросѣ, назвался бродягой, непомнящимъ родства.

На всѣ просьбы маіора Поздняка открыть свое званіе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ, въ видѣ особой милости, отправить его въ Кіевъ, къ генераль-губернатору, которому онъ откроетъ, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

Испросивъ разрѣшеніе, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ старика въ Кіевъ и представилъ генераль-адъютанту Бибикову.

— Кто вы такой? — обратился къ старику съ вопросомъ генераль-губернаторъ.

— Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не отвѣчу на вашъ вопросъ въ присутствіи посторонняго лица, — отвѣчалъ старикъ, намекая на присутствіе при свиданіи Поздняка.

— У меня нѣтъ секретовъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера, — возразилъ гордо генераль-адъютантъ Бибиковъ: — отвѣчайте на мой вопросъ!

— Я — Тизенгаузенъ.

— Какъ Тизенгаузенъ?! — воскликнулъ Дмитрій Гавриловичъ, отступая въ изумленіи: — декабристъ?!

— Да, декабристъ! Не вѣришь? — оцупай на затылкѣ шрамъ отъ раны, полученной въ 1812 году въ сраженіи, гдѣ и ты участвовалъ.

Бибиковъ коснулся рукой головы старика и, удостоверившись въ справедливости его словъ, обнялъ его и расцаловалъ.

— Оома невѣрный! — сказалъ, покачавъ головой Тизенгаузенъ. Ну, что-жъ думаешь, — продолжалъ онъ: — отправляй въ тюрьму, закуй и бей кнутомъ, вѣдь я — бѣглый каторжникъ!

— Садись-ка лучше вотъ здѣсь, со мною, на диванъ, любезный другъ, — успокаивалъ старика Дмитрій Гавриловичъ: — и расскажи, какими судьбами ты очутился здѣсь?

— Соскучился!.. Тоска изгрызла сердце и душу изсушила...

Вѣдь двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы ужъ тамъ... Пойми, терпѣнья не хватило... хотѣлось дѣтей увидѣть, а тамъ что будетъ!.. собрался и пошолъ... что было не спрашивай: хорошаго немного... вѣдь дочери мои, ты знаешь, при дворѣ, принять боялись... хоть видѣлъ я ихъ мелькомъ, невзначай... узналъ, что имъ нехудо, рукой махнулъ, ну, и пошолъ... и шолъ... куда-жъ идти какъ не къ тебѣ, товарищъ старый, родственникъ и другъ... Прійми и сдѣлай, что тебѣ Господь на умъ положить... въ руки твои отдаю судьбу мою — казни иль милуй, мнѣ все равно, вѣдь жить осталось не долго...

— Но что мнѣ съ тобою дѣлать, что, мнѣ съ тобою дѣлать, другъ, — повторялъ въ раздумьи Бибииковъ: — просить царя?.. но, бѣжавъ изъ Сибири, ты совершилъ снова преступленіе и снова подлежишь наказанію: кто знаетъ, какъ взглянетъ государь на это... тѣмъ болѣе, что онъ о васъ не хочетъ даже слышать. Лучше я думаю дожидаться его пріѣзда сюда, здѣсь я лично могу просить его за тебя, а до того времени ты будешь жить у моего дежурнаго штабъ-офицера, ко мнѣ же приходи по вечерамъ. Только знай, что передъ самымъ пріѣздомъ сюда государя я долженъ буду посадить тебя въ крѣпость.

Тизенгаузенъ отъ всей души поблагодарилъ Бибиикова, и старые друзья долго бесѣдовали, вспоминая о прошломъ, одинаково близкомъ обоимъ, о капризныхъ ударахъ судьбы, разъединившихъ ихъ такъ жестоко.

Спустя нѣсколько времени, императоръ Николай I прибылъ въ Кіевъ. Осмотрѣвъ войска и городъ, государь принялъ обѣдъ у генералъ-губернатора. Избравъ минуту, когда государь находился въ милостивомъ настроеніи духа, Бибииковъ разсказалъ ему о побѣгѣ и прибытіи въ Кіевъ Тизенгаузена, сталъ просить его о помилованіи старика.

— Развѣ ты не знаешь, что я запретилъ просить о помилованіи декабристовъ! — возразилъ гнѣвно монархъ.

— Государь, — сказалъ Бибииковъ: — я осмѣливаюсь просить васъ, вопреки прямаго вашего запрещенія, и прошу потому, что бѣглый декабристъ — мой родственникъ. Я обѣщалъ ему ваше помилованіе, и если онъ не достоинъ его, то накажите меня, злоупотребившаго вашимъ именемъ. Руку мою я потерялъ за царя и отечество и теперь преклоняю мою голову передъ вами, дѣлайте съ нею, что хотите... я виноватъ — велите снять ее, но я дѣйствовалъ вашимъ именемъ, зная, что вы и въ гнѣвѣ справедливы и милостивы...

— Нѣтъ, Дмитрій Гавриловичъ, такую голову не снимаютъ, а целуютъ, — сказалъ государь и поцаловалъ его. — Пусть будетъ по твоему; если ты обѣщалъ помилованіе моимъ именемъ, то пусть онъ и будетъ помилованъ! Завтра ты мнѣ покажешь его, гдѣ онъ у тебя?

— Въ крѣпости, государь.

— Ну, и прекрасно, въ крѣпости я и увижу его,—сказалъ развеселившійся царь: — а теперь пойдѣмъ къ хозяйкѣ.

На другой день, императоръ, осматривая крѣпость, подошолъ къ каземату, гдѣ временно былъ помѣщенъ Тизенгаузенъ, взглянулъ на него въ отворенную дверь и, покачавъ головою, промолвилъ тихо: «несчастный!» Выходя же изъ каземата, спросилъ Бибикова: «а что никто объ немъ не знаетъ здѣсь?»

— Никто не знаетъ, ваше величество,—отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ: — кромѣ меня и дежурнаго штабъ-офицера.

— Смотри же, чтобы и теперь никто не зналъ о немъ,—сказалъ вполголоса государь.

Бибиковъ молча поклонился.

По отъѣздѣ Николая Павловича, Тизенгаузенъ поселился въ Кіевѣ и жилъ на средства Бибикова въ скромной квартиркѣ надъ Днѣпромъ, никому неизвѣстный, даже полиціи, которой было сообщено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени. Спустя два года, онъ умеръ на берегу Днѣпра съ англійской газетой въ рукахъ, взятой наканунѣ у генераль-губернатора. Освобожденіе же прочихъ декабристовъ послѣдовало уже по вступленіи на престолъ императора Александра II, именно въ 1856 году, во время его коронаціи¹⁾.

V.

Лѣтомъ 1856 года, Москва готовилась къ коронаціи. Гостей наѣхало со всѣхъ концовъ свѣта. Гвардія прибывала частями. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ съ дамами, 5-го іюля, въ день св. Сергія, поѣхали осмотрѣть Троицко-Сергіевскую лавру. Пожелавъ послѣ литургіи отслужить молебенъ, они обратились къ очередному іеромонаху. Лаврская братія по случаю праздника разрѣшила вино и елей, но очередной іеромонахъ оказался слабѣ другихъ и, обращаясь къ офицерамъ, требовалъ то покупки свѣчей, то покупки смолы св. Сергія. Ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, Соломка, не могъ стерпѣть подобнаго обращенія и обратился съ жалобою къ митрополиту Филарету. Тотъ выслушалъ его и сурово отвѣтилъ ему: «какой же ты христіанинъ, когда не можешь простить ближнему твоему... Ступай!»²⁾.

VI.

Въ сороковыхъ годахъ, жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ Василій Григорьевичъ Жуковъ, производившій обширную тор-

¹⁾ Сообщено В. Л. Климовымъ, слышавшимъ этотъ рассказъ отъ М. Д. Поздняка.

²⁾ Записано со словъ С. А. Соломки.

говлю табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ нему въ услуженіе или на работу. Онъ былъ городскимъ головой и содержалъ хоръ отличныхъ пѣсенниковъ, извѣстныхъ всему Петербургу. Прусскій король, посѣтившій Петербургъ, по случаю открытія Александровской колонны, и пожелавшій послушать пѣсенниковъ Жукова, пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе и подарилъ Жукову великолѣпную брилліантовую табакерку. Василій Григорьевичъ любилъ нашихъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ. Однажды, великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежавшаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на шабашъ!—сказалъ ему великій князь весьма серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ,—отвѣчалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потеплѣе найти; а? какъ ты мнѣ посоветуешь?—продолжалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество,—отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю:—у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

— Пожалуй, не приметъ?—засмѣялся великій князь.

— Какъ не принять!—ваше-то высочество!—отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ:—первѣющее мѣсто вамъ предоставитъ.

— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ!—смѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата:—придется, значить, поклониться Василью Григорьевичу, завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество,—отвѣчалъ невозмутимо серьезно старикъ.

— Конечно, конечно!—закончилъ великій князь разговоръ:—ужъ если служить, такъ опять вмѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ по выходѣ въ отставку Жуковымъ и находился у него на службѣ до самой смерти¹⁾.

¹⁾ Записано со словъ бывшаго начальника 1-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Кумелева, слышавшаго этотъ рассказъ отъ самого великаго князя.

VII.

Генераль-маіоръ баронъ Рамзай (впослѣдствіи генераль-адъютантъ, командиръ гренадерскаго корпуса) во время командованія гренадерскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, чрезвычайно строго относился къ солдатамъ и жестоко наказывалъ ихъ во время ученій. Въ зимнее время полкъ учился въ манежѣ кадетскаго корпуса, куда приводили на ученіе и кадетовъ. Однажды, во время совмѣстнаго ученія въ манежѣ какой то роты полка и кадетовъ, когда баронъ Рамзай немилосердно бичевалъ солдатъ, въ манежъ пріѣхалъ директоръ кадетскаго корпуса, генераль-маіоръ Бородинъ. Увидавъ истязанія солдатъ, онъ подозвалъ къ себѣ барона и передъ фронтомъ сказалъ ему: «ваше превосходительство, я предоставилъ въ ваше распоряженіе манежъ для обученія солдатъ, а не для варварскихъ экзекуцій надъ ними, вредно вліяющихъ на воображеніе моихъ кадетовъ. Не угодно ли вамъ ваши экзекуціи производить въ казармахъ, иначе я вамъ не могу предоставить пользоваться манежемъ».

Съ этого времени экзекуціи въ манежѣ болѣе не повторялись. Барону Рамзаю кадеты дали прозваніе «генераль Крамсай», которое и сохранилось за нимъ на всю жизнь ¹⁾.

VIII.

Въ 1836 году, императоръ Николай I пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго французскаго баталиста Ораса Верне, для написанія нѣсколькихъ картинъ изъ нашего военного быта. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ сотрудникъ «Gasette de France», Веймарсъ, нападавшій въ газетѣ постоянно на русскихъ, въ особенности за «тиранію поляковъ». Имъ показали лагерь; они были въ свитѣ государя на маневрахъ, видѣли знаменитый Петергофскій праздникъ и, наконецъ, были приглашены въ тѣсный, семейный кружокъ императорской фамиліи. Г. Веймарсъ увидѣлъ монарха въ кабинетѣ и въ кругу его семейства, которое онъ любилъ больше чѣмъ съ отческой нѣжностью. Когда Веймарсъ смотрѣлъ на дѣтскія игры маленькихъ великихъ князей съ своими сверстниками, между которыми было нѣсколько мальчиковъ изъ польскихъ фамилій, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «vous voyez bien que je ne mange pas les polonais» (вы видите, что я не ѣмъ поляковъ) ²⁾.

¹⁾ Сообщено генераль-маіоромъ А. Д. Симановскимъ.

²⁾ Сообщено А. Д. Комовскимъ.

IX.

6 апрѣля 1835 года, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій назначенъ шталмейстеромъ двора ея императорскаго высочества, великой княжны Маріи Николаевны, и вотъ по какому поводу. Въ великую субботу, у всенощной во дворцѣ, прикладываясь къ плащаницѣ, графъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозвавъ графа, сказалъ ему: «*Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes*», (любезный графъ, чтобы вы въ другой разъ не теряли башмаковъ, я дарю вамъ сапоги)¹⁾.

X.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, кронштадтскимъ комендантомъ состоялъ генераль-лейтенантъ Бурмейстеръ. Это былъ деликатный, добрый и любимый всѣми подчиненными начальникъ. Но у него была своя слабость—муштровать молодыхъ офицеровъ въ отношеніи знанія караульной службы, для чего онъ ихъ держалъ по цѣлымъ часамъ въ манежѣ, производя разводы и заставляя ихъ по нѣскольку разъ подходить къ нему съ рапортомъ.—«Не такъ, оставь», «рапортуйте снова», «вы салютовать не умѣете», «вотъ какъ надо!»—распекалъ ихъ генераль и только послѣ нѣсколькихъ пріемовъ отпускалъ разводъ. Молодые моряки, выходявшіе въ караулъ съ своими экипажами, зная слабость генерала, нарочно школьничали и выводили его изъ терпѣнія.

Какъ-то былъ назначенъ разводъ въ высочайшемъ присутствіи. Генераль Бурмейстеръ, зная, что императоръ Николай I строго относился къ строевой службѣ, и будучи не увѣренъ въ знаніи флотскими экипажами караульной службы, началъ производить каждый день репетиціи разводу.

Лейтенантъ Лазаревъ-Станищевъ, бывшій въ образцовомъ полку и знавшій службу хорошо, былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода. Ему генераль сталъ объяснять, какъ надо вести взводъ, что ему скомандовать, и закончилъ словами: «Когда вы доведете взводъ до конца манежа, поверните и остановите его противъ печки, по вашему взводу будутъ строиться другіе взводы». Лазаревъ, какъ образцовый офицеръ, все это зналъ, но, желая подшутить надъ генераломъ, привелъ взводъ, остановилъ его и, не повертывая, направился къ генералу и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, вы изволили приказать остановить взводъ въ концѣ манежа?

¹⁾ Сообщено А. Д. Комовскимъ.

— Да!

— Вы изволили приказать повернуть его?

— Да!

— Вы изволили приказать поставить его противъ печки?

— Да! ну, что-же?—и генераль видимо начиналъ волноваться.

— Но я, ваше превосходительство, не знаю: остановить ли взводъ противъ самой заслонки печки, или же нѣсколько продвинувшись?

— А! какого это офицера вы назначили въ первый взводъ, — обратился комендантъ къ командиру экипажа:—онъ ничего не знаетъ. Смѣнить его сейчасъ же!

Лазареву это и было нужно; онъ ушелъ куда то къ знакомымъ, и на репетиціи не участвовалъ. Когда же командиръ экипажа объяснилъ генералу шутку лейтенанта, онъ призвалъ его къ себѣ, извинился и сказалъ: «отчего вы не сказали мнѣ, что вы—«образцовый», тогда бы я васъ не муштровалъ».

Не смотря на то, что при императорѣ Николаѣ во всѣхъ сухопутныхъ войскахъ строго наблюдалось, чтобы стрижка волосъ какъ у офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ была короткая, моряки носили и височки, и алякоки, а нѣкоторые даже позволяли себѣ запускать и затылки. Въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ наиболѣе длинными волосами отличался мичманъ Выгодчиковъ. Генераль Бурмейстеръ неоднократно замѣчалъ ему о неумѣстности ношенія длинныхъ волосъ, и мичманъ постоянно обѣщалъ остричься, но не стригся и являлся каждый разъ еще съ болѣе отросшими волосами. Комендантъ, выведенный изъ терпѣнія, однажды передъ разводомъ замѣтивъ ему о длиннотѣ волосъ, предупредилъ его, что, если онъ осмѣлится явиться въ слѣдующій разъ съ такими же волосами, то онъ велитъ цирюльнику остричь его передъ фронтомъ на барабанѣ. Всѣ знали, что Бурмейстеръ шутить не любитъ и, если что скажетъ, то исполнить. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда Выгодчиковъ явился на слѣдующій разводъ съ такими же длинными волосами. Бывшіе въ разводѣ офицеры ждали спектакля, и онъ состоялся, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Честь имѣю явиться!—рапортуетъ генералу мичманъ самымъ серьезнымъ образомъ.

— Вижу,—перебиваетъ его генераль:—что вы «имѣете честь явиться», но въ какомъ видѣ? Третьяго дня я приказалъ вамъ остричься, а вы осмѣливаетесь явиться еще съ болѣе длинными волосами. Да я васъ не только остригу здѣсь сейчасъ, но еще на три дня на гауптвахту посажу!

— Я остригся, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ кротко мичманъ.

— Да какъ вы остриглись! Развѣ такъ стригутся?—горячился

генераль: — смотрите, у васъ волосы лежатъ на воротникѣ мундира.

— Короче нельзя остричься, ваше превосходительство, — отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ мичманъ.

— Какъ нельзя? — свирѣпѣетъ генераль: — я вамъ сейчасъ покажу, что можно.

— Нельзя, ваше превосходительство, — повторяетъ болѣе оживленно мичманъ и, пародируя генерала, говоритъ: — я вамъ сейчасъ докажу, что нельзя.

Генераль въ изумленіи отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди руки, принимаетъ грозную позу оскорбленнаго начальника.

Мичманъ, между тѣмъ, неторопливо вкладываетъ полусаблю въ ножны, разстегиваетъ у кивера чешую и, снимая лѣвой рукой киверь, въ то же мгновеніе правой сдернулъ съ головы парикъ. Изумленному взору генерала предсталъ совершенно голый черепъ, такъ какъ мичманъ не выстригъ, но выбрилъ себѣ голову бритвой.

— Короче остричься нельзя, ваше превосходительство, — проговорилъ почтительно мичманъ. — Что же касается парика, то я его надѣлъ, чтобы не простудить головы. Нынче большой морозъ!

Всѣ захохотали. Генераль только развелъ руками.

— Всего я отъ васъ ждалъ, — проговорилъ онъ смѣясь: — но этого никакъ не ожидалъ. Идите, да смотрите, въ самомъ дѣлѣ не простудитесь! ¹⁾).

XI.

Въ августѣ 1835 года, происходили въ Калишѣ маневры, въ которыхъ участвовала гвардія. Конныя части отправились походнымъ порядкомъ, а пѣхотныя отвезли на корабляхъ. Тѣ и другія вступили въ одинъ день. Гвардейскіе офицеры, принадлежавшіе къ богатымъ фамиліямъ, заняли лучшую въ городѣ гостинницу, и завтраки, обѣды, угощенія, попойки и кутежи шли своимъ чередомъ каждодневно. О расходахъ не было рѣчи. Всякій думалъ только объ одномъ, чтобы не посрамить имени русскаго. Требованія вина и разныхъ гастрономическихъ деликатесовъ были такъ велики, что нѣмецъ, содержатель гостинницы, первоначально было завелъ счета для своихъ постояльцевъ и гостей, а потомъ сбился и махнулъ на все рукой, исполняя капризы своихъ посѣтителей, ничего не записывая.

Кончились маневры, назначенъ былъ день выступленія войскъ въ Россію, нѣмецъ загоревалъ: онъ не зналъ, съ кого сколько нужно было получить ему денегъ. Нѣкоторые офицеры, узнавъ о его сокрушеніяхъ, нарочно начали надъ нимъ подшучивать, говоря ему, что онъ ничего не получитъ, такъ какъ у него никакихъ дока-

¹⁾ Записано со словъ очевидца, моряка Н. С. Лазарева-Станицева.

зательствъ о томъ, кто и что забралъ, не имѣется. Нѣмецъ заболѣлъ. Въ день выступленія войскъ, офицеры имѣли въ гостиницѣ послѣдній завтракъ, окончивъ который потребовали, чтобы хозяинъ подалъ имъ счетъ за все время нахожденія ихъ въ его гостиницѣ.

Выходитъ полубольной хозяинъ и объявляетъ, что онъ никакихъ счетовъ не велъ, а потому и не знаетъ, сколько ему слѣдуетъ получить съ нихъ.

— Ну, и прекрасно, Карлъ Ивановичъ, — смѣются офицеры: — вы поступили точно такъ же, какъ ваши отцы въ 1813 году, когда русскіе шли вмѣстѣ съ ними противъ французовъ. Они тогда съ русскихъ денегъ не брали. Очень вамъ благодарны за это! Но позвольте намъ съ вами по этому случаю чокнуться. Дайте шампанскаго.

Нѣмецъ, повѣсивъ голову, вышелъ и, спустя нѣсколько времени, вернулся съ большимъ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ виномъ. Офицеры окружили его, выпили за его здоровье и, поблагодаривъ его за особенное его довѣріе къ русскимъ, пожелали съ нимъ расчитаться. — «Вы, Карлъ Ивановичъ, не знаете, сколько съ насъ слѣдуетъ получить, а мы не знаемъ, сколько нужно вамъ заплатить. Позвольте же вамъ отдать, сколько мы можемъ». — И молодежь стала класть на подносъ, который держалъ трактирщикъ, золото: кто горсть, кто двѣ, кто три... Подносъ сталъ наполняться, вотъ онъ ужъ полонъ, трактирщикъ не можетъ держать его, становится на одно колѣно, а молодежь, а за ней и усачи-старики все бросаютъ и бросаютъ монету. Золото сыплется уже съ подноса на полъ, а офицеры все сыплютъ. Наконецъ, нѣмецъ не въ силахъ держать подноса, опускаетъ его на полъ, а самъ наклоняется надъ нимъ и плачетъ.

— Довольны ли вы, Карлъ Ивановичъ? — спрашиваютъ его офицеры. Но бѣдный нѣмецъ ничего не могъ отвѣтить, и только шепталъ: «о mein Gott! о mein Gott! нашъ великій король и тотъ не имѣетъ столько золота!»¹⁾.

XII.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель, музыкантъ и виртуозъ. Онъ игралъ роль мецената и своимъ вліяніемъ въ обществѣ и связями при дворѣ могъ сдѣлать многое. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если художники, артисты и музыканты тѣснились вокругъ него и искали его покровительства. М. И. Глинка не избѣгъ общей участи. Окончивъ первую свою оперу «Иванъ Сусанинъ» (переименованную

¹⁾ Со словъ Н. С. Лазарева-Станицева.

потомъ въ «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года, онъ явился къ Михаилу Юрьевичу и просилъ его ходатайства о постановкѣ пьесы на сценѣ Большаго театра. Графъ обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе и просилъ его захватить къ нему чрезъ нѣсколько времени.

Живой, нервный Глинка неособенно остался доволенъ приѣмомъ графа. Но слава его, какъ композитора, еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположеніемъ вельможи. 10-го марта, въ залахъ графа Віельгорскаго состоялась первая репетиція оперы. Оркестръ былъ хотя и не полный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные пѣвчіе, тріо и дуэты пропѣли артисты. Дирижировалъ оркестромъ самъ Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполненіе увертюры вышло неудачно. Пришлось сыграть второй разъ. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бѣгалъ, билъ тактъ и морщился. Его разгорѣвшееся лицо и блестящіе глаза выдавали внутреннее волненіе. Но когда пьеса была окончена и залъ огласился дружными уоплесканіями, онъ про сіялъ: всеобщія поздравленія, одобренія и рукопожатія побѣдили неувѣренность и недовольство, композиторъ развеселился и благодарилъ отъ души всѣхъ посѣтителей.

— Это *chef d'oeuvres*! — говорилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ. Послѣ «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинять оперы. Кто посмѣетъ поставить на судъ публики свое сочиненіе, когда она избалована «Нѣмою изъ Портичи» и «Дьяволомъ». Опера же Глинки замѣчательна своею оригинальностью. Отъ начала до конца она носитъ на себѣ характеръ исключительно русско-польскій. А это не бездѣлица! Притомъ финалъ и послѣдній романсъ написаны гениально. Я увѣренъ, что это сочиненіе будетъ имѣть несравненно болѣе успѣха въ чужихъ краяхъ, нежели у насъ. Мы еще далеки отъ того, чтобы восхищаться своей оригинальностью. Мы согласимся скорѣе признать это стариною, нежели мастерскимъ произведеніемъ великаго таланта.

Съ этого времени Глинка сталъ чаще посѣщать графа Віельгорскаго. Сидя однажды въ его кабинетѣ, въ ожиданіи возвращенія домой графа, онъ вступилъ въ разговоръ съ работавшимъ у графа какимъ-то живописцемъ и высказалъ слѣдующее: «Я всегда завидую живописцу. Я вижу, какъ постепенно наслаждается онъ своимъ произведеніемъ, и какъ прочно это наслажденіе. При одинаковомъ расположеніи души, оно всегда одинаково, между тѣмъ какъ наслажденіе отъ музыки даруется не всегда, и для того, чтобы вкусить его, должно имѣть много терпѣнія, пока не услышишь всего цѣлаго. Часто отдѣльныя части ничего не носятъ на себѣ необыкновеннаго, а все цѣлое представляетъ удивительный даръ, отличное произведеніе. Въ живописи же, напротивъ, душа

каждымъ штрихомъ восхищается, и этотъ штрихъ вѣченъ, неизмѣненъ, а въ музыкѣ все зависитъ отъ исполненія».

Въ другой разъ онъ говорилъ: «Я не вѣрилъ бы въ будущее блаженство, еслибъ не видѣлъ на землѣ этихъ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и ваянія; они суть представители грядущаго счастія. Человѣкъ, приходя отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавливаемся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему,— есть точка истиннаго счастія. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только болѣе продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ восторгъ на одно мгновеніе — тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Въ концѣ года, опера Глинки, благодаря хлопотамъ и представительству графа Віельгорскаго, была поставлена на сцену. Нужно ли говорить, что она произвела фуроръ. Михайлъ Юрьевичъ отзывался о ней слѣдующими словами: «Глинка совершенно изучилъ и постигъ духъ нашей гармоніи. Въ его мотивахъ вы найдете все русское и ни одной русской пѣсни, которую бы вамъ когда нибудь случилось слышать. Вы будете многое узнавать, вамъ покажется, что всѣ пассажи его оперы суть мѣста вамъ знакомыя, а переберите въ памяти вашей всѣ русскія пѣсни, вы ни одной не найдете, которая бы пѣлась на голосъ арій Глинки. О томъ, какъ хороши и удачны хоры польскіе, — и говорить нечего. Мазурочный кадансъ этихъ хоровъ есть самая счастливая мысль, которую немастеръ своего дѣла могъ бы довести до тривіальности. Что же касается тріо и послѣдняго дуэта, это то, — повторю, — *chef d'oeuvres* Глинки».

Впослѣдствіи, Глинка, въ пріятельскомъ кружкѣ, называлъ графа М. Ю. Віельгорскаго «своимъ Іоанномъ Крестителемъ»¹⁾.

XIII.

Императоръ Николай очень любилъ молодежь, воспитывавшуюся въ кадетскихъ корпусахъ. Всегда и вездѣ онъ отличалъ кадетовъ и старался приблизить ихъ къ себѣ и своему семейству.

Въ 1843 году іюля 22-го, онъ праздновалъ день именинъ сестры своей, королевы виртембергской, Маріи Павловны, въ Александріи, близъ Петергофа. На праздникъ приглашены были близкіе царю люди, тѣсный кружокъ друзей, дипломатическій корпусъ и избранные особы первыхъ классовъ.

¹⁾ Этотъ рассказъ записанъ со словъ А. Д. Комовскаго, бывшаго въ то время бібліотекаремъ графа М. Ю. Віельгорскаго.

Кадеты стояли лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ. Государю угодно было пригласить ихъ на праздникъ. Гонецъ полетѣлъ, и чрезъ нѣсколько времени извѣстное число кадетовъ, въ большинствѣ случаевъ выпускные, появились въ саду Александріи.

— А! вотъ и дѣти,—сказалъ Николай Павловичъ и сошелъ къ нимъ съ террасы. Поздоровавшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: «знаютъ ли какой нынче день?».

— Знаемъ, ваше императорское величество,—отвѣчали кадеты.

— Какой?

— День тезоименитства сестры вашего величества, королевы виртембергской, Маріи Павловны, съ чѣмъ и имѣемъ счастье поздравить,—отвѣчали кадеты.

— Благодарю васъ дѣти,—и государь поклонился.

— Васъ благодаримъ, государь, что вспомнили объ насъ,—закричали кадеты.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ стоялъ на эстрадѣ. Императоръ позвалъ его къ себѣ и, когда онъ подошелъ, сказалъ ему: — что же ты не здороваешься съ кадетами?

Великій князь поздоровался, и на поздравленіе кадетовъ поклонился.

— Кланяйся ниже!—сказалъ ему государь:—твоимъ будущимъ слугамъ можешь поклониться въ поясъ.

И наслѣдникъ цесаревичъ поклонился въ поясъ.

Затѣмъ императоръ привелъ за руки двухъ младшихъ дочерей своихъ, великихъ княженъ, Ольгу Николаевну и Александру Николаевну, и приказалъ имъ поблагодарить кадетовъ за поздравленіе съ имениницей.

Великія княжны сдѣлали реверансъ.

— Развѣ такъ кланяются русскимъ дворянамъ,—сказалъ государь и, положивъ имъ руки на плечи, заставилъ ихъ поклониться до пояса.

Разрѣшивъ кадетамъ «вольнo», императоръ вошелъ въ ихъ кружокъ и сталъ заставлять ихъ играть. — Берите примѣръ съ меня, смотрите, я упаду сейчасъ на землю,—и, сказавъ это, государь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ опрокинуться назадъ. Кадеты бросились къ нему, подхватили его на руки и съ крикомъ: ура! стали качать.

Послѣ троекратнаго поднятія, Николай Павловичъ сказалъ: — ну, дѣти, довольно! спасибо вамъ!

— Ради стараться! — и ура! снова огласило садъ.

Въ это время французскій посланникъ, сойдя съ эстрады, подошелъ къ государю и, выразивъ ему свое безпокойство о томъ, что онъ чуть было не упалъ, еслибъ кадеты его не поддерживали.

— Вы не знаете моихъ дворянъ; это вѣдь все дворяне,—отвѣ-

чаль съ гордостью государь: — они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома ¹⁾).

XIV.

По объявленіи войны Франціи и Англіи въ 1854 году признано было необходимымъ, на случай высадки непріятеля, впереди кронштадскихъ укрѣпленій возвести еще нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, и съ этой цѣлію на косѣ, близъ купеческой стѣнки, стали возводить батарею на 60 орудій, люнетъ на два баталіона и редутъ. Для производства работъ выслали учебный саперный баталіонъ и, кромѣ того, нарядили офицеровъ отъ прочихъ саперныхъ баталіоновъ. Работы начались 20-го марта. Императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ часто и лично наблюдалъ за производствомъ работъ.

Встрѣтивъ однажды солдата съ георгіевскимъ крестомъ, государь спросилъ его:

— Гдѣ получилъ крестъ?

— Подъ Силистріей, ваше императорское величество, въ 1829 году, — отвѣчалъ солдатъ.

— Теперь подъ Силистріей ваши товарищи, — замѣтилъ государь: — а вамъ выпала честь защищать Петербургъ, а это стоитъ Силистріи. Чего бы не далъ другой солдатъ, чтобы сказать впоследствии: я защищалъ Петербургъ. Не такъ ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣчалъ солдатъ: — мы это чувствуемъ; останемся живы, — и дѣтямъ, и внукамъ передадимъ.

Когда батарея была готова и вооружена, Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее подробно, нашелъ въ исправности и остался доволенъ. Обратясь къ командовавшему обороной, генераль-лейтенанту Граббе, государь сказалъ: — а вѣдь было бы во что, а то есть чѣмъ!

Осмотрѣвъ редутъ, императоръ сказалъ окружающимъ его офицерамъ:

— Если высадка будетъ, то мы здѣсь и умереть должны!

Оставляя укрѣпленіе, государь сказалъ солдатамъ: — смотрите, ребята, не робѣйте! первая бомба къ вамъ — и я съ вами! ²⁾

XV.

Императоръ Александръ II обращалъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ имперіи, любилъ военное дѣло и прилагалъ всевозможныя попеченія къ улучшенію быта

¹⁾ Записано со словъ очевидца, кадета и сапера, нынѣ генераль-лейтенанта А. Д. Симановскаго.

²⁾ Со словъ генераль-маіора А. Д. Симановскаго.

какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ хорошо изучилъ организацію, числительный составъ и хозяйство войскъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ хронику полковъ, время ихъ основанія, въ какихъ войнахъ они участвовали, въ какихъ сраженіяхъ отличались и чѣмъ награждены. Онъ обладалъ отличной памятью и безошибочно перечислялъ: какія части войскъ имѣютъ георгіевскія знамена, владимірскія ленты, серебряныя трубы, петлицы, знаки за отличія. При прочтеніи докладовъ, онъ указывалъ иногда на такія частности дѣла, которыя ускользали отъ вниманія ихъ составителей-спеціалистовъ. Я могу привести нѣсколько примѣровъ подобныхъ указаній, но въ настоящемъ случаѣ ограничусь пока однимъ, именно замѣчаніями государя на докладъ военного министра, генераль-адъютанта Сухозанета, отъ 23-го іюля 1857 года, о знаменахъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ.

Генераль-адъютантъ Сухозанетъ, какъ извѣстно, грамотностію не отличался. Нѣкоторыя его резолюціи сдѣлались общеизвѣстными, даже болѣе извѣстными, чѣмъ знаменитыя резолюціи графа Аракчеева. Напримѣръ, такія, буквально списанныя нами съ подлинниковъ, резолюціи: «Сумляваюсь штопъ палковникъ И. обѣлваниль сіе дело кюлю» (сомнѣваюсь, чтобы полковникъ И. оболваниль сіе дѣло къ іюлю), или: «Несъпасобныхъ многа хто пладить лѣкаря али чясти, нада разъобратца» (неспособныхъ много, кто плодитъ: лекаря, или части, надо разобратся), — могутъ служить краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Въ его докладахъ государю, конечно, проходили и неясности, и неточности изложенія. Императоръ Александръ строго относился ко всѣмъ подобнымъ недомолвкамъ и дѣлалъ замѣчанія, несовсѣмъ лестныя для составителей такихъ докладовъ.

Послѣ Крымской войны гвардейскіе и гренадерскіе полки, имѣвшіе (съ резервными) по шести баталіоновъ, должны были состоять въ трехбаталіонномъ составѣ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ резервный). Возбудился вопросъ: какъ поступить со знаменами упраздняемыхъ баталіоновъ?

Генераль Сухозанетъ излагаетъ въ докладѣ: «Поставленіе знаменъ упраздняемыхъ вовсе третьихъ баталіоновъ полковъ лейбъ-гвардіи въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ нынѣ стоятъ знамена остающихся первыхъ и вторыхъ баталіоновъ тѣхъ же полковъ, было бы неудобно, потому что первыя знамена (т. е. третьихъ баталіоновъ) принадлежатъ частямъ, которыя не будутъ уже существовать». Государь противъ этого пункта пишетъ: «Совершенный вздоръ, ибо третьи баталіоны не упраздняются, а только распускаются на мирное время и переименовываются въ третьи резервные баталіоны по примѣру 4-хъ резервныхъ баталіоновъ, коихъ знамена стояли въ дворцахъ».

Далѣе Сухозанетъ говоритъ: «Предполагаемая замѣна знаменъ

первыхъ и вторыхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ, если оныя пришли въ ветхость, знаменами пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ въ полкахъ, лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ, Московскомъ, Гренадерскомъ и Литовскомъ, была бы излишнею, потому что означенные баталіоны всѣ получили новыя знамена». Государь отмѣчаетъ: «Никогда объ этомъ и рѣчи не было».

Такимъ образомъ, весь докладъ оказывается испещреннымъ замѣтками: «они не упраздняются», «все это вздорныя разсужденія», «это одно справедливо» и пр. Наконецъ, самая резолюція его величества, помѣченная 26-го іюля 1857 года, гласила такъ: «Вздорный докладъ. Исполнить—какъ показано въ концѣ». Въ концѣ же доклада государемъ собственноручно написано слѣдующее:

«Въ полкахъ лейбъ-гвардіи:

«Гатчинскомъ,

«Павловскомъ,

«Финляндскомъ,

«Волынскомъ,

«Гренадерскихъ:

«Императора Австрійскаго,

«Короля Фридриха Вильгельма III.

«Въ 1-ые и 2-ые и въ 3-ие резервные баталіоны передать знамена, имѣвшіяся въ резервныхъ баталіонахъ сихъ полковъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ, съ перемѣною только скобъ.

«Старыя знамена гвардейскихъ полковъ перенести съ почестью въ полковыя церкви, гренадерскихъ полковъ знамена сдать въ С.-Петербургскій арсеналь.

«Во всѣхъ прочихъ полкахъ гвардіи знамена бывшихъ резервныхъ баталіоновъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ перевести съ почестями изъ дворцовъ на храненіе въ полковыя церкви.

«Въ Гренадерскомъ корпусѣ знамена 3-хъ баталіоновъ, переименованныхъ въ 3-ьи резервные, сдать въ арсеналь, гдѣ будетъ храниться оружіе для сихъ резервныхъ баталіоновъ. Прочихъ резервныхъ баталіоновъ, нынѣ вовсе упраздняемыхъ, сдать на храненіе въ С.-Петербургскій арсеналь. 26-го іюля 1857 года».

По разумности и ясности изложенія, это—дѣйствительно царская резолюція.

XVI.

3-го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-маіоръ К. подаль по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ 8^{3/4} часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ

установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основаніи § 19 дисциплинарнаго устава, о причинѣ, по которой онъ не отдаетъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сіятельству».

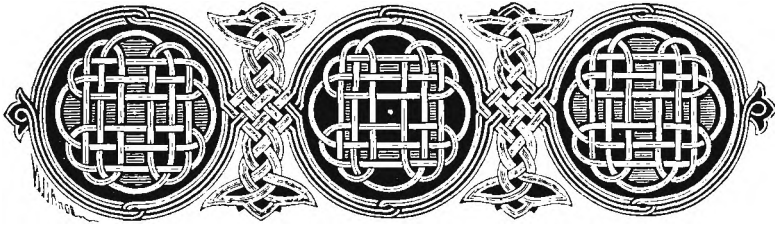
Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: «По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это — генералъ служить въ Петербургѣ и не знаетъ моихъ дѣтей».

— Ваше величество, онъ близорукъ.

— А, тогда дѣло другаго рода, — засмѣялся государь: — тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

П. Мартыяновъ.

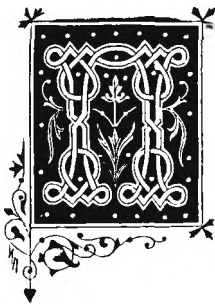

ТРИ ВСТРѢЧИ.

(Изъ старой записной книжки).

I.

Встрѣча А. С. Пушкина съ А. А. Бестужевымъ на Кавказѣ.

ПУШКИНЪ, какъ извѣстно, совершилъ въ 1829 году путешествіе въ Арзерумъ, гдѣ находились тогда войска кавказскаго корпуса подъ предводительствомъ графа Паскевича. Проѣхавъ Тифлисъ и углубившись, слѣдуя направленію военной дороги, въ горы, онъ встрѣтилъ тамъ совершенно нечаянно Александра Александровича Бестужева (Марлинскаго) и описалъ эту встрѣчу въ своемъ дневникѣ, изданномъ въ свѣтъ подъ заглавіемъ «Путешествіе въ Арзерумъ».

Дневникъ этотъ появился въ первой книжкѣ «Современника» за 1836 годъ съ большими измѣненіями, такъ, напримѣръ, страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестужевымъ и нѣкоторыя другія мѣста были выпущены изъ дневника, по указанію императора Николая Павловича, прочитывавшаго, какъ извѣстно, всѣ сочиненія поэта прежде появленія ихъ въ свѣтъ. Съ измѣненіями дневникъ вошелъ и въ «Собраніе сочиненій А. С. Пушкина».

Затѣмъ, съ теченіемъ времени, нѣкоторыя исключенныя мѣста возстановлены¹⁾, но страничка о встрѣчѣ Пушкина съ Бестуже-

¹⁾ Последнее изданіе сочиненій А. С. Пушкина, т. V, стр. 260, 262, 263, 264.

вымъ до настоящаго времени еще не включена; даже въ послѣднемъ изданіи, вышедшемъ подъ редакціей П. А. Ефремова, ея нѣтъ.

Такъ какъ все, что ни вышло изъ-подъ пера безсмертнаго поэта, имѣетъ для публики особенное значеніе, то мы и возстановливаемъ эту такъ долго лежавшую подъ спудомъ страничку, подлинность которой несомнѣнна. Копія съ нея снята въ 1835 году поэтомъ Александромъ Дмитріевичемъ Комовскимъ (впослѣдствіи сенаторъ и статсъ-секретарь), когда подлинная рукопись Пушкина, по возвращеніи ея отъ императора Николая, съ его пометками, находилась въ канцеляріи шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа. Отъ Комовскаго она и дошла до насъ.

Вотъ какъ описалъ Пушкинъ свою встрѣчу съ А. А. Бестужевымъ.

«Я кочевалъ съ утеса на утесъ, ободряя то шпорами въ бока, то глядя по шеѣ моего борзатаго горца. Привыкшій ко всѣмъ ужасамъ кавказскихъ картинъ, конь мой, прядая ушами и осторожно переступая съ ноги на ногу, морщилъ свои огненные ноздри. Я завидѣлъ вдали всадника въ чудной одеждѣ, онъ летѣлъ и, казалось издали, падалъ со скалы на скалу. Мы поровнялись—то былъ Бестужевъ! Цѣлованья, обниманья, безотвѣтные вопросы и отвѣты не на вопросы были слѣдствіемъ этой неожиданной и пріятной для насъ обоихъ встрѣчи. Мы еще—и въ сотый разъ обнялись, и пошли дѣльные другъ другу вопросы. Бестужевъ рассказывалъ мнѣ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Я его слушалъ, читая половину его жизни въ этихъ слезахъ, которыя неожиданно оросили его огненные очи. Я понялъ, каково его существованіе, я понялъ, что жизнь ему не дороже полушки. Онъ говорилъ мнѣ, что давно уже ищетъ возможности окончить со славой и честью свое опятненное плаваніе по океану жизни.—«Я жажду вѣтровъ,—говорилъ онъ:—я жажду бурь, гдѣ бы могъ явить себя спасителемъ существъ, счастливыхъ болѣе, чѣмъ я... О, если бъ эта рука когда нибудь могла покрыться кровью враговъ отечества и смыть печать заблудшагося сердца, я съ радостью, съ благословеніемъ тому, кто мнѣ послалъ бы этотъ случай, принесъ на жертву самого себя, а что мнѣ жизнь теперь»!.. Онъ не кончилъ еще разсказа, я не успѣлъ еще стряхнуть слезу ребячества, несносно щекотившую мнѣ глазъ,—какъ всадникъ мой исчезъ. Гляжу, оглядываюсь—нѣтъ его! Въ пять прыжковъ конь вынесъ меня на остріе скалы: внизу, въ ужасной глубинѣ, шумитъ рѣка — и въ волнахъ плещется Бестужевъ! Я обмеръ отъ страха. Онъ рухнулся стремглавъ въ чернѣющую бездну, я испугался, а онъ, шалунъ Бестужевъ, онъ махаетъ шапкой и кричитъ: — «не бойся, Пушкинъ, я не умеръ... я живъ еще, къ несчастью моему... но вотъ, мой другъ, какъ дорого цѣню я жизнь!»

Кто не узнаетъ въ этой сценѣ пера Пушкина, характера Бестужева!..

II.

Встрѣча И. С. Тургенева съ Д. И. Писаревымъ.

Знаменитый романистъ и даровитый представитель такъ называемой «либеральной критики», не смотря на общность многихъ интересовъ, ихъ сближавшихъ, лично не симпатизировали другъ другу и видѣлись только однажды. Самое свиданіе ихъ, отъ котораго Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ ожидалъ такъ много хорошаго, не только не сблизило ихъ, но, къ величайшему огорченію обоихъ, окончательно разъединило и разорило на всю жизнь. Вотъ какъ это случилось, по разсказу очевидца встрѣчи, Петра Павловича Суворова, пользовавшагося расположеніемъ обоихъ антагонистовъ.

Въ зиму 1866 года, Тургеневъ достигъ зенита своей извѣстности и славы: романъ «Отцы и дѣти» вышелъ въ свѣтъ и произвелъ въ публикѣ сенсацію. Все заговорило о немъ. Не было ни одного журнала, который не посвятилъ бы его разбору нѣсколькихъ печатныхъ листовъ. Лучшая рецензія, по широтѣ взгляда и глубинѣ анализа, принадлежала перу Д. И. Писарева, напечатавшаго ее въ журналѣ «Русское Слово» (нынѣ «Дѣло»). Авторъ романа не могъ не согласиться съ тѣми выводами, къ которымъ пришелъ, разбирая романъ, талантливый критикъ, и въ разговорѣ съ однимъ изъ видныхъ нашихъ литераторовъ отнесся къ этимъ выводамъ сочувственно, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ Дмитріемъ Ивановичемъ лично. Между тѣмъ тогдашній редакторъ «Русскаго Слова», Григорій Евлампіевичъ Благосвѣтловъ, давно хотѣлъ завербовать Ивана Сергѣевича въ число своихъ сотрудниковъ, и теперь, услышавъ о сдѣланномъ имъ отзывѣ о рецензіи Писарева и желая познакомиться съ нимъ, поручилъ Петру Павловичу Суворову написать къ Тургеневу письмо: не пожелаетъ ли онъ помѣстить въ «Русскомъ Словѣ» приготовляемый имъ въ то время къ печати новый романъ («Дымъ»), причемъ, конечно, на похвалы и обѣщанія не скупился. Но знаменитый романистъ не пошелъ на заброшенную ему удочку: въ самыхъ вѣжливыхъ и деликатныхъ выраженіяхъ, онъ отвѣчалъ, что не успѣлъ еще хорошенько ознакомиться съ журналомъ, редактируемымъ Благосвѣтловымъ, но современемъ, когда хорошенько узнаетъ изданіе, не прочь помѣстить въ немъ одно или нѣсколько своихъ произведеній. На этомъ остановились первыя попытки къ сближенію, но редакция «Русскаго Слова» сочла письмо Ивана Сергѣевича за нѣчто для него обязательное.

Прошла зима. Въ февралѣ 1866 года, Тургеневъ пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился у Боткина на Караванной. Въ городѣ распространился слухъ, что онъ привезъ съ собою новый романъ,

что онъ прочелъ уже нѣсколько отрывковъ изъ него въ интимномъ кружкѣ друзей и что всѣ слышавшіе его чтеніе восторгаются романомъ. Редакція «Русскаго Слова» встрепелась, и П. П. Суворовъ получилъ отъ нея порученіе посѣтить Тургенева, страдавшаго тогда подагрой. На утро онъ сидѣлъ уже въ кабинетѣ больного романиста, принятый имъ весьма предупредительно и радушно. Завязался разговоръ объ идеалахъ общественнаго развитія, и Иванъ Сергѣевичъ высказалъ о Писаревѣ самое лестное мнѣніе.

— Въ то время, — говорилъ онъ, между прочимъ: — когда вся критика обрушилась на меня и бичевала нещадно моихъ злополучныхъ «Отцовъ и дѣтей», Дмитрій Ивановичъ одинъ отнесся къ нимъ совершенно безпристрастно. Какъ критикъ, онъ вполне добросовѣстно обрисовалъ характеры выведенныхъ въ романѣ лицъ и чрезвычайно остроумно и мѣтко опредѣлилъ ихъ значеніе съ точки зрѣнія современнаго общественнаго развитія. Скажу болѣе: онъ сумѣлъ отгнѣнить и выдвинуть на первый планъ такія черты въ нихъ, которыя я, когда писалъ романъ, признавалъ какъ бы отвлеченно и смутно, и только, прочитавъ его рецензію, онѣ стали для меня опредѣленны и ясны... Не смотря на то, что онъ еще очень молодъ и не чуждъ увлеченій, я его уважаю и буду очень радъ, если мнѣ представится случай познакомиться съ нимъ лично.

— Это не такъ трудно, — отозвался Суворовъ: — если позволите, я привезу его къ вамъ, и вы съ нимъ навѣрно сойдетесь: вашъ строгій рецензентъ — чрезвычайно симпатичная личность и, что всего важнѣе, убѣжденный честный человѣкъ...

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь, — улынулся Иванъ Сергѣевичъ, и, подумавъ немного, прибавилъ: — итакъ, рѣшено, вы привезете его ко мнѣ!..

— Съ большимъ удовольствіемъ! — отвѣчалъ Петръ Павловичъ, вставая со стула, чтобы откланяться: — только скажите, когда вы можете принять насъ?

— О, это все равно, когда хотите! — сказалъ Тургеневъ, пожимая Суворову руку: — чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!..

Вечеромъ того же дня, не смотря на отнѣкиванья и явное нежеланіе ѣхать, какъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ, на поклонъ къ отцу «Отцовъ и дѣтей», Суворовъ повезъ его къ Тургеневу. Войдя въ кабинетъ, они нашли Ивана Сергѣевича сидящимъ въ креслѣ у письменнаго стола; больная нога его была вытянута и лежала на другомъ креслѣ. На столѣ горѣла лампа подъ темнымъ абажуромъ, такъ что въ кабинетѣ царилъ полумракъ. Въ рукѣ у него находилась рукопись, по всей вѣроятности, привезеннаго имъ романа, онъ читалъ ее, вокругъ сидѣло нѣсколько человѣкъ друзей—

нашъ извѣстный военный историкъ, генераль Богдановичъ, и два-три литератора.

При входѣ Писарева и Суворова въ кабинетъ, Иванъ Сергѣевичъ прекратилъ чтеніе, положилъ рукопись на столъ и очень любезно поздоровался съ пришедшими. Послѣ обычныхъ привѣтствій и рукопожатій, гости взяли стулья, сѣли и начался разговоръ. Вращавшійся всю жизнь въ лучшемъ обществѣ, изучивши до тонкости свѣтскіе приемы, Тургеневъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ заявилъ Дмитрію Ивановичу, что онъ давно искалъ случая обмѣняться съ нимъ мыслями, что признаетъ въ немъ большой критическій талантъ и глубоко его уважаетъ, уважаетъ за то, что онъ безпристрастно и съ такимъ художественнымъ пониманіемъ относится ко всѣмъ выдающимся явленіямъ художественнаго творчества.

Произошла маленькая пауза. Писаревъ сидѣлъ и молчалъ.

Потомъ, вдругъ, съ свойственной ему живостью, повернувшись на стулѣ въ полоборота, онъ спросилъ Тургенева:

— Правда ли, Иванъ Сергѣевичъ, я слышалъ, мнѣ вотъ говорилъ Петръ Павловичъ (и онъ указалъ на Суворова), что вы привезли новый романъ? — и если правда, то нельзя ли мнѣ ознакомиться съ нимъ, прежде чѣмъ онъ будетъ напечатанъ?... Кстати, гдѣ вы думаете его печатать?.. Вы, кажется, обѣщали одно изъ вашихъ произведеній дать «Русскому Слову?».

— Да,—замаялся какъ будто въ отвѣтъ Тургеневъ:—современемъ я исполню мое обѣщаніе... но этотъ романъ я еще изъ-за границы отослалъ въ Москву, Михайлу Никифоровичу Каткову, и теперь вотъ жду отъ него отвѣта.

— Какъ!—вскричалъ Писаревъ и какъ ужаленный вскочилъ со стула:—вы!.. вы—нашъ лучший писатель, доступный современному движенію молодого поколѣнія и имъ за то чтимый!.. вы—человѣкъ независимый, имѣющій громадное состояніе, работающій не для заработка, вы отдаете свой романъ Каткову!.. Для чего?.. съ какой цѣлью? Что общаго между вами и этимъ!.. (тутъ слѣдовало нѣсколько жесткихъ эпитетовъ по адресу Михаила Никифоровича). Или вамъ деньги нужны?.. За деньги вы готовы идти на сдѣлку съ совѣстью?.. Кто же вы послѣ того?.. Что я долженъ о васъ думать!.. И какъ вы могли, какъ вы рѣшились, послѣ этого, приглашать меня къ себѣ?.. Нѣтъ, я не только не радъ случаю, который свелъ меня съ вами, но клянусь ту минуту, когда я первый разъ подумалъ объ этомъ!.. Кто же вы такой? кто? говорите!.. Петръ Павловичъ,—обратился онъ въ сильномъ раздраженіи къ Суворову:—гдѣ мы находимся?.. Куда вы меня привезли?..

Иванъ Сергѣевичъ, сидѣвшій все это время въ креслѣ прямо, подавшись нѣсколько впередъ, сконфуженный горячими упреками Писарева, не могъ отвѣтить ему ни слова, лицо его было блѣдно,

по мѣрѣ того, какъ ажитація Дмитрія Ивановича увеличивалась и рѣчь его становилась злѣй и безпощаднѣй, онъ блѣднѣлъ все больше и больше и вдругъ, какъ бы изнемогая подъ тяжестью взведенныхъ на него обвиненій, откинулся всѣмъ тѣломъ на спинку кресла; спинка не выдержала, откололась и отлетѣла прочь, и Иванъ Сергѣевичъ рухнулъ съ больной ногой, черезъ голову, на полъ.

Произошла суматоха. Одни бросились подымать Ивана Сергѣевича, другіе обратились къ Писареву съ упреками, поставляя ему на видъ всю неумѣстность его горячности, и просили его удалиться. Дмитрій Ивановичъ ничего не отвѣтилъ, повернулся, взялъ фуражку и уѣхалъ домой.

Спустя нѣсколько времени, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» появился новый романъ Тургенева «Дымъ». Писаревъ написалъ рецензію, въ которой не только раскритиковалъ новое произведеніе знаменитаго художника-романиста, но и самого его низвелъ на степень человѣка, который не знаетъ, что творить. Рецензія эта была отдана Г. Е. Благосвѣтлову, одобрена, набрана и прочитана въ корректурѣ. Она представляла собою статью болѣе пяти печатныхъ листовъ и, поэтому, въ одномъ номерѣ журнала появиться не могла. Ее раздѣлили на двѣ половины, и первая приготавливалась уже къ выпуску. Вдругъ, утромъ рано, за нѣсколько дней до выхода книжки, влетаетъ въ редакцію разстроенный и блѣдный Писаревъ. Поздоровавшись съ редакторомъ и сотрудниками, онъ обратился къ Благосвѣтлову съ просьбой возвратитъ ему рукопись его статьи и всѣ корректуры.

— На что она вамъ?—спрашиваетъ его изумленный редакторъ.

— Я не желаю ее печатать.

— Да вы съума сопли!.. Что съ вами?

— Вотъ посмотрите, что онъ написалъ мнѣ!—и Писаревъ подалъ Благосвѣтлову письмо Тургенева.

Въ письмѣ этомъ Иванъ Сергѣевичъ писалъ Дмитрію Ивановичу, что онъ очень сожалѣетъ о томъ, что, по болѣзни, ему не удалось, при личномъ свиданіи съ нимъ въ февралѣ, объясниться и тѣмъ избѣжать оставшихся неразъясненными недоразумѣній. Воздавъ таланту критика всевозможныя куренія, онъ обращался къ нему съ просьбою не печатать написанной имъ рецензіи на его новый романъ, прежде чѣмъ онъ не сообщитъ этой рецензіи ему для прочтенія. Причемъ обѣщался дать всѣ нужныя разъясненія.

— Ну, что я буду дѣлать, когда онъ такъ пишетъ! — восклицалъ, горячась, Дмитрій Ивановичъ: — я не могу напечатать моей рецензіи... я не такой... и онъ схватилъ письмо Тургенева, изорвалъ его въ мелкіе кусочки и бросилъ на полъ. Потомъ свернулъ въ трубку рукопись рецензіи и корректуры ея, распрощался съ сотрудниками и ушелъ.

Но, взявъ рецензію изъ редакціи, Писаревъ не послалъ ее Тургеневу, какъ послѣдній просилъ его. Онъ послалъ ему только письмо, въ которомъ писалъ, что онъ всего ждалъ отъ него, но только ужъ никакъ не просьбы о непечатаніи критики на его романъ. Убѣжденія свои и взгляды, — писалъ онъ, — вы могли измѣнить, и я, порицая ваши идеалы, могъ бы уважать васъ какъ человѣка. Но теперь, послѣ вашей просьбы, я васъ не уважаю и уважать не могу. Вы пережили себя, вы одряхлѣли, вы не понимаете стремленій молодаго поколѣнія. Вы идете, сами не зная куда. Вы похожи на человѣка, который самъ добровольно садится въ муравейникъ, и поэтому... (слѣдовалъ выводъ, весьма нелестный для Ивана Сергѣевича).

Этимъ, казалось бы, и должны были окончиться пререканія Тургенева съ пылкимъ критикомъ, такъ какъ разрывъ между ними состоялся полный и всякія личныя отношенія прекратились. И дѣйствительно, почти три года пререканій не было. Но вотъ, въ 1869 году, умираетъ Д. И. Писаревъ — и Тургеневъ поспѣшилъ откликнуться. При жизни Дмитрія Ивановича онъ не обмолвился о немъ ни однимъ печатнымъ словомъ, но едва глаза талантливаго его антагониста смежились, Иванъ Сергѣевичъ пожелалъ свести счеты съ нимъ и воздалъ ему, съ свойственнымъ ему талантомъ, сторицею. Въ воспоминаніяхъ своихъ о В. Г. Бѣлинскомъ, напечатанныхъ вскорѣ послѣ смерти Писарева, въ одной изъ книжекъ «Вѣстника Европы», онъ посвятилъ одну — двѣ странички и своему безпощадному рецензенту, вспомнилъ о своемъ свиданіи съ нимъ въ 1866 году и заклеилъ его позорной кличкой главы петербургскихъ нигилистовъ; по его словамъ, выходило, что Писаревъ — человѣкъ безпокойный, бездушный, и только...

Кто же изъ нихъ правъ?

III.

Встрѣча А. Ѳ. Писемскаго съ «самоуправцами».

Нѣсколько лѣтъ назадъ, проѣзжая чрезъ Москву, я остановился въ ней на нѣсколько дней и поспѣшилъ повидаться съ нѣкоторыми изъ наиболѣе близкихъ знакомыхъ. Сдѣлавъ нѣсколько визитовъ, я заѣхалъ и къ Алексѣю Ѳеофилактовичу Писемскому. Встрѣча давно не видавшихся людей обыкновенна: восклицанья, цѣлованья и разспросы. Поздоровавшись какъ принято, перебросившись замѣчаніями о перемѣнахъ, найденныхъ другъ въ другѣ, поговоривши о дѣлахъ, интересовавшихъ насъ обоихъ, справившись о знакомыхъ и друзьяхъ, мы перешли, по обыкновенію, къ новостямъ.

— Что новаго въ Москвѣ? — спрашиваю я Писемскаго.

— Ничего!.. все постарому!.. такъ же пьемъ, такъ же ѣдимъ и такъ же спимъ,—отвѣчалъ Алексѣй Теофилактовичъ.

— Но вѣдь что нибудь дѣлаетъ же Москва?

— Дѣлаетъ—какъ не дѣлать!..—отвѣчалъ съ добродушной улыбкой Писемскій:—нѣсколько времени тому назадъ исколотили твоего покорнѣйшаго слугу.

— Какъ такъ! за что?

— Ни за что, ни про что, а такъ здорово живешь.

— Нельзя же человѣка бить за «здорово живешь».

— Въ Москвѣ можно!.. въ Москвѣ все можно!..

— Да какъ же такъ?—объясни, пожалуйста.

— Очень просто. Возвращаюсь я однажды домой вечеркомъ, въ сумерки, не совсѣмъ поздно, но было уже темно, взоселъ на дворъ и иду сторонкой къ крыльцу. Вдругъ, откуда ни возмись, какъ будто выросли изъ-подъ земли, наскакиваютъ нѣсколько здоровенныхъ мужиковъ, въ рубахахъ, фартукахъ и картузахъ, въ родѣ биржевыхъ рабочихъ, бросаются на меня, накидываютъ полы моей хламиды мнѣ на голову, такъ что я кричать уже никакъ не могу, валять меня на землю и накладываютъ мнѣ подъ бока, по шеѣ и по зубамъ. Бьютъ и приговариваютъ:—«Не пиши, пакостникъ, про хорошихъ людей мерзостей!.. не клепли!.. не порочь!.. житья отъ тебя никому не стало, перелаялъ ты всѣхъ здѣсь, песь цѣпной!.. Что, чувствуешь ли, какъ это хорошо!.. Чувствуешь?.. а? не будешь больше? говори!.. да говори же, Николай Ивановъ! не то еще прибавимъ, да такъ, что не скоро и забудешь!...»—«Да я не Николай Ивановъ,—взмолился я подъ кулаками:—я—Алексѣй Теофилактовъ, что вы дѣлаете со мной, душегубы!»—«И впрямь, это не тотъ!»—отозвался одинъ изъ нихъ, вглядываясь мнѣ въ лицо:—«это самъ хозяинъ дома! простите, сударь, мы васъ приняли за Пастухова¹⁾. Намъ хозяева велѣли потрепать Николая Ивановича, ошибка, сударь, вышла, ужъ вы простите, Бога ради!».—И мужики бросились бѣжать. Конечно, я ихъ не преслѣдовалъ, а поторопился убраться домой да растереться перцовкой, чтобы синяковъ не было... Такихъ-то родомъ вотъ въ чужомъ пиру похмѣлье и принимаешь... Что, хороши наши московскіе порядки?

Я пожалѣлъ отъ души «честнѣйшаго и славнѣйшаго Теофилактыча», какъ звали Писемскаго въ шутку москвичи, и разразился страшной филиппикой по поводу «самоуправства» и «жестокости нашихъ нравовъ»... Смотрю—Писемскій откинулся въ креслѣ и заливается громкимъ смѣхомъ.

— Чему ты радъ?—спрашиваю я его въ недоумѣніи.

— А ты и повѣрилъ моей встрѣчѣ съ «самоуправцами»... Это

¹⁾ Извѣстный газетный репортеръ того времени, не дававшій покою москвичамъ; въ настоящее время издаетъ газету «Московскій Листокъ».

я тебѣ разсказалъ легенду о самоуправцахъ нашей прессы... Набрасываются они изъ-за угла и быють встрѣчнаго и поперечнаго, не разбирая даже, тотъ ли это, кого имъ нужно.

— Ну, это дѣло другаго рода, къ этому бока наши привычны, — засмѣялся и я въ свою очередь.

«Встрѣча съ самоуправцами» — послѣдній разсказъ, который я слышалъ отъ А. О. Писемскаго.

П. Мартыановъ.

